

Интервью с Владимиром Яковлевичем ГЕЛЬМАНОМ

«ГЕЛЬМАН В. Я.: «Я ПОЛУЧИЛ ЭТУ РОЛЬ – МНЕ ВЫПАЛ СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ»»

Гельман В. Я. — окончил механико-машиностроительный факультет Ленинградского Политехнического института (1988 г.); кандидат политических наук (1998 г.), профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (2005 г.), заслуженный профессор Финляндии (Finland Distinguished Professor) в университете Хельсинки (2012 г.).

Основные области научного интереса: сравнительная политология, политические институты, исследования российской и постсоветской политики.

Интервью состоялось: апрель 2015 г.

Середина мая 2015 года, в галерее фотографий моих собеседников 114 портретов, общее количество проведенных интервью перевалило за 120, но беседы продолжаются. Вместе с тем, приближается конце первого полугодия, когда я решил завершить «промышленный» сбор информации, буду лишь подчищать «незавершенку». Обилие проведенных интервью, множественность биографических данных почти физически давят на меня, заставляют думать о том, как все это анализировать, описывать. Поэтому в моих традиционных вводках, которыми я сопровождаю тексты интервью при публикации, я все чаще стараюсь отойти от простого представления моего собеседника или кратких комментариев сказанного им и все чаще стараюсь рассмотреть сюжеты, порожденные очередным закончившимся интервью, но носящими достаточно общий характер.

Летом 2014 года в моем разговоре с Ларисой Козловой я впервые попытался изложить свою мысленную модель, названную «*матрицей событий*», или «*событийным каркасом*» большинства биографий российских социологов. Речь идет о наборе, цепочках сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях моих собеседников, прежде всего — представителей одного социологического поколения [1].

Внутри этой матрицы располагаются различные событийные зоны. К примеру, есть множество рассказов социологов первого и второго поколений о трудностях и невзгодах пережитых ими в военные годы, есть несколько воспоминаний об их жизни в блокадном Ленинграде. Такова среда, в которой формировались эти когорты, и каждое новое интервью, в котором отражены переживания военного времени, повышает плотность событийной ткани в соответствующей матричной «ячейке», но не увеличивает количество самих ячеек. Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество матричных ячеек, это означало, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Это позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации.

Содержание интервью с Владимиром Яковлевичем Гельманом – при всей уникальности его жизненной траектории – в основном укладывается в ячейки обобщенной «матрицей событий». Более того, главные, опорные точки его профессионального бытия характерны для представителей пятого поколения отечественных социологов, к которому он и принадлежит; речь идет о тех, кто родился в 1959-1970 гг. Главное: их приход в социологию продиктован различного рода личными размышлениями, порожденными перестройкой, хотя внешне это нередко смотрится как нечто случайное, не подготовленное обстоятельствами, логикой юношеской социализации и студенческих лет. Еще одна заметная черта профессионального пути немалой части моих собеседников, представляющих рассматриваемое поколение, - их карьера сложилась успешно благодаря помощи зарубежных фондов и отдельных иностранных ученых российским социологам.

Об этом в наших беседах обстоятельно рассказали Масловский М. В., Никулин А. М. Романов П. В., Тартаковская И. Н., Темкина А. А. и Ярская-Смирнова Е. Р.

Я же сейчас ограничусь приведением двух фрагментов воспоминаний петербургского социолога-культуролога Светланы Лурье, с которой я работал несколько лет до отъезда в Америку; в них – быт, условия жизни как предпосылки работы. Самое начало 1990-х, она вспоминает: «Поначалу деньги нам платили, это потом перестали. И Вы тогда сказали, что понимаете, что за такую зарплату требовать от нас работы несправедливо. Но Вы надеетесь, что в силу привычки мы будем работать. Но я тогда так оголодала... Вы нам в сектор приносили разные угощения с мероприятий, на которых бывали. Помню, с какого-то мероприятия в Финском посольстве Вы принесли что-то мне неизвестное или давно забытое. Я Вас спросила, что это. Вы так по слогам сказали: “Света, это кол-ба-са”». А вот 1994 год: «... в институте я занималась, чем душе угодно, и была вполне счастлива. Вообще институт наш той поры был чудесным местом, очень свободным, творческим. А денежные проблемы скоро исчезли, я стала получать много грантов».

В проведенных интервью есть неоднократные воспоминания о поддержке, которую социологи в годы перестройки получали со стороны Фонда Сороса, Фонда Форда, Фонда К. и Дж. Макартуров, Фонда Berghof, Фонда им. Ф. Эберта. Многие знают об огромном влиянии на развитие современной российской соци-

ологии английского профессора Теодора Шанина, значителен вклад в создание Европейского Университета в Санкт-Петербурге американского профессора Александра Даллина. Процессу европеизации социологического образования на факультете социологии Санкт-Петербургского университета активно содействовал Билефельдский университет (Германия). Ряд моих собеседников с благодарностью называют имена профессора Уорвикского университета (Великобритания) Саймона Кларка и профессора Калифорнийского университета в Беркли Майкла Буравого. Многие для развития методологии и практики биографического анализа в России удалось сделать благодаря поддержке французского исследователя Даниэля Берто. Майклом Сваффордом из Теннесси было многое сделано для повышения культуры проведения массовых опросов и освоения российскими социологами статистического пакета SPSS.

Интервью с Владимиром Гельманом по-новому высветило вопрос о необходимости проведения в будущем направленного анализа многогранной деятельности зарубежных фондов и группы западных ученых-подвижников, внесших заметный вклад в освоение российскими социологами современной методологии и отвечающим ей исследовательских методов. Он подробно рассказал о помощи, оказанной ему английским социологом и политологом Мэри Маколи. До отъезда в США я неоднократно встречался с Мэри, ценю все сделанное ею, потому попросил Гельмана подробнее рассказать о его работе с ней и о ее человеческих качествах; ему удалось сделать и то, и другое. Но самое высокое признание роли этого ученого и человека в жизни Володи дала его мама, фактически назвав Мэри «второй мамой» собственного сына.

В целом же интервью с Владимиром Гельманом расширяет наше видение путей вхождения советских / российских социологов различных поколений в науку и показывает то новое, что привнесла в эту совокупную «дорожную карту» перестроечная и постперестроечная реальность.

Источники:

1. Историко-биографическое исследование российской социологии: к десятилетию проекта. Б. Докторов отвечает на вопросы Л. Козловой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 4. С. 19-28. <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/10-let-2013-unikalnomu-proektu-istoriya-sovremennoi-rossiiskoi-sociologii-v-licah>

Гельман В. Я.: «Я получил эту роль — мне выпал счастливый билет»

Володя, Вы — человек публичный, основные факты Вашей биографии легко найти в веб-сети. Вы окончили с отличием престижный технический ВУЗ, поработали пару лет по специальности и ушли в область практической политики и анализ политических процессов. Почему Вы сразу не поступали, скажем, на исторический или философский факультет ЛГУ? Может быть, родители не поддерживали Ваши гуманитарные интересы?

К моменту окончания школы у меня не было четко оформленных интересов: история мне не настолько нравилась, чтобы сделать ее своей профессией (к философии у меня интереса не было, да и нет). Также, я не стремился связываться с официальной идеологией. Но главное — поступление в вуз рассматривалось как способ избежать призыва в армию, и подача документов в ЛГУ была бы наименее рациональной стратегией: в 1982 году шансы на поступление у еврея были близки к нулю. Я подал документы в ближайший к дому вуз, где имелась военная кафедра, и поступил на факультет с относительно низким конкурсом.

Вы блестяще окончили Политехнический институт, полагаю, что и школа была закончена Вами вполне успешно. Почему поступление в вуз Вы рассматривали лишь как способ избежать призыва в армию, но не как, скажем, приобретение профессии «на всю оставшуюся жизнь»?

Сказать по правде, немногие люди в 17 лет способны осмысленно и успешно выбрать профессию «на всю оставшуюся жизнь». Я не был исключением: возможно, что и к лучшему.

Вы родились в Ленинграде, Ваши родители — тоже ленинградцы по-рождению? Кто они по профессии?

Отец, Яков Михайлович Гельман (1939—2005), родился в Ленинграде, вырос на Урале, в 1964 году женился на маме, Любви Исааковне Тайц (в замужестве Гельман, 1937—2013) и переехал в родной город, много лет работал прорабом на стройке. Мама родилась и всю жизнь прожила в Ленинграде, работала нормировщицей на оборонном предприятии.

Даже по советским стандартам мы жили более чем скромно, родители копили деньги на кооперативную квартиру, потом на дачу; но на книгах не экономили, отец любил читать и собирал библиотеку. Я был довольно проблемным ребенком, в детстве много болел, и в целом приносил родителям куда больше проблем, чем радостей, но они меня поддерживали во многих начинаниях. К сожалению, я ценил их поддержку в недостаточной мере.

Володя, совсем недавно в своем блоге Вы записали: «...и будучи в детстве и юности практически полным социальным аутсайдером...». Как это (аутсайдерство) понимать? В чем оно выражалось? Чем оно было вызвано, порождено?

Коль скоро Вы цитируете мой блог, я также его процитирую:

«... школьная жизнь мне была глубоко чужда во всех отношениях. Я учился не в специализированной, а в более чем заурядной школе на окраине Питера, а учителя, за редким исключением... вели занятия скучно, в основном пересказывая книги и учебники, которые я читал и без них. Но главное – общение со сверстниками мне приносило почти одни разочарования – едва ли не единственным обращением в мой адрес было «дашь списать?», те качества, которые ценились в их среде (брутальность, агрессивность, желание и умение демонстрировать окружающим свою «крутизну») мне были напрочь не присущи, а наши круги интересов практически никак не пересекались. Вдобавок ко всему лет до 15 я довольно часто болел и пропускал занятия по объективным причинам, напрочь выпадая из всех коммуникаций, в которые и без того был очень слабо вовлечен... Впрочем, за пределами школы у меня и вовсе почти не было контактов со сверстниками. Поэтому, будучи почти 100% аутсайдером, на переменах я сам по себе бродил по коридору или стоял у окна, после уроков сразу уходил домой и/или гулял в одиночку (любимыми моим развлечениями тех лет были прогулки по центру города и поездки на трамваях, ну и, конечно, чтение), и даже small talks со сверстниками на темы, напрямую с уроками не связанные (например, о футболе), были для меня большим и очень редким событием – между ними подчас проходили месяцы...» (взято отсюда <http://grey-dolphin.livejournal.com/633624.html>)

Прогулки по городу... я сам был большим любителем, какие уголки города Вас манили? А сейчас есть желание пройтись по тем местам?

Любимые с детства места – район вблизи Таврического сада (где я жил до 1978 года) и Васильевский остров (где живу сейчас). Время от времени гуляю по этим местам, но реже, чем хотелось бы.

Может быть, мы жили с Вами в соседних домах и ходили в одну и ту же школу, правда, в разное время? Я жил в огромном доме в Мариинском проезде с аркой на Кавалергардскую (тогда – Красную Конницу) и начинал учиться в 154–й школе, на углу Кавалергардской и Тверской...

Я рос в доме на углу Потемкинской улицы и улицы Каляева (ныне – Захарьевская). Дом, построенный в 1907 году, был средоточием больших коммуналок: в квартире, где жила наша семья, в разные времена размещалось от 9 до 11 семей. Мы впятером (родители, бабушка, брат и я) жили в 36-метровой комнате с видом на двор-колодец. Начинал учиться в 187-й школе на углу Потемкинской и улицы Чайковского (позднее там разместился экономический факультет ЛГУ), затем ходил в 195-ю школу на улице Воинова (ныне Шпалерная), а когда в это здание въехал ИСЭП, меня перевели в 197-ю школу на улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская), куда я ходил до 1978 года.

Да, близко, но на другой стороне Таврического сада...

Что читали? Где книги доставали?

Читал много, но бессистемно. Дома были собрания сочинений и антологии (мне особенно нравилась «Библиотека современной фантастики»), за какими-то книгами я сам стоял в очередях в библиотеках, мама брала почитать у знакомых. Обратимся снова к моему блогу:

«Моими главными собеседниками в те годы были книги, и период обучения запомнился, прежде всего, «запойным» чтением... Все происходившее «в реале» воспринималось на фоне художественной литературы. Так, о смерти Брежнева сообщили в тот день, когда мама принесла домой на несколько дней одолженный ее коллегой по работе томик «Мастера и Маргариты», и последующие траурные церемонии с многочисленными орденами на лафетах служили для меня не более чем иллюстрацией к коровьевским штучкам. «Андроповские» облавы в магазинах и кинотеатрах в разгар рабочего дня проходили, когда я читал журнал «Звезда» с «Лачугой должника» Шефнера, и оттого выглядели как эдакое продолжение тамошних четверостиший... В преддверии американских президентских выборов 1984 года (в ходе которых отечественная пропаганда изо всех сил «болела» против баллотировавшегося на второй срок Рейгана), я прочел «Всю королевскую рать», невольно проводя параллели между главным героем романа Вилли Старком и тогдашним американским президентом, к которому стал испытывать тайную и необъяснимую симпатию...» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/520839.html>).

Вы закончили школу в 1982 году, начали учиться в Политехническом институте. Там чувство аутсайдера отступило или усилилось? Какие-либо интересы появились? Инженерные или к общественно-политическим наукам?

В Политех я поступил в 1982 году. По-прежнему оставался аутсайдером. Учеба дала немало полезных навыков, но не могу сказать, что инженерная работа была мне глубоко интересна. Я старался выполнять ее добросовестно, и не более того (но и не менее). Интерес к общественной жизни возник уже позднее, в годы перестройки.

До апреля 1985 года оставалось немного... Как Вы восприняли приход М. С. Горбачева? Что именно и в силу каких причин вызвало Ваш интерес к событиям в стране?

Приход к власти Горбачева и его первые шаги вызвали энтузиазм: на фоне ни на что не способных косноязычных и догматичных прежних вождей, наконец, появился более молодой и образованный руководитель, говоривший вполне адекватные вещи и вызывавший человеческую симпатию. Идеи обновления страны на основе гласности и открытости мне импонировали. Действительность начала 1980-х была настолько убогой, что даже словесные импульсы порождали надежды на улучшение ситуации. Вскоре общественные проблемы стали активно обсуждаться в прессе, и эти публикации усиливали интерес к событиям в стране. Насколько я могу судить, такая реакция на заявленные перемены была довольно распространенной.

Конечно, распространенной, но и разной: по силе и направленности... Володя, из всего рассказанного Вами о школьно-студенческих годах не следовало однозначно, что Вы от отстраненности перейдете к той или иной активности? Как этот переход происходил? Спонтанно или внутренне-управляемо? Что Вас побуждало не только читать, размышлять, но задумываться о собственной деятельности?

Довольно долгое время я воспринимал политические перемены в стране подобно болельщику, симпатизировавшему перестроечной «команде». Шаги на пути либерализации, публикации прежде недоступных литературных произведений и разоблачительных статей в СМИ о прошлом и о настоящем, публицистические передачи и публичные дискуссии на телевидении – все это воспринималось как победы над противниками перестройки – сталинистами и националистами. В 1988 году начала появляться информация о создании неформальных общественных объединений в поддержку перестройки, в том числе и в Ленинграде. Примерно в то же время у меня нарастали и сомнения в том, что перестройка – это продуманный и целенаправленный проект. Шаги Горбачева и его соратников часто были непоследовательны и неоправданны. Демократические СМИ («Огонек», «Московские новости») описывали эти «зигзаги» как борьбу сторонников и противников перестройки в руководстве страны и призывали общественность к участию в этой борьбе на стороне сторонников реформ. В итоге две разные линии моего восприятия перемен – отстраненная и активистская, позиции наблюдателя и гражданина – пересеклись: в сентябре 1988 года я примкнул к набиравшему тогда обороты движению за демократизацию.

Не страшно было? Ведь Вы понимали или чувствовали, что меняете активность в отстраненности на активность в активности? Причем в никому не известной социальной сфере?

Страх быть наказанным за активизм я не испытывал: режим тогда уже не был репрессивным, и слова в поддержку гласности и демократизации звучали с самых высоких трибун. Страх перед новой для себя сферой деятельности у меня тоже не было (тем более что первоначально я «вышел на поле» как игрок-любитель, и не планировал делать политику или ее изучение своей новой профессией). Да и в целом для времен перестройки смена траекторий не была чем-то необычным: в те же годы кто-то создавал кооперативы, кто-то уезжал за границу на ПМЖ...

Это было в полной мере самостоятельное решение или к тому моменту у Вас все же была какая-либо референтная группа?

К тому времени мой круг общения заметно расширился, но участвовать в общественных движениях я решил сам, и ни с кем это решение не обсуждал. Впрочем, каких-либо возражений у родных и знакомых оно не вызвало.

Как раз осенью 1988 года Вы после окончания института начали работать по профессии. Эта «подвижка» в Вашей жизни каким-либо образом повлияла на Ваше решение?

Я начал работать инженером в феврале 1988 года. Но прямой связи между этими изменениями и последующем участием в демократическом движении не было.

Итак, с чего же началась Ваша «новая жизнь»? Как это происходило?

Ну не так чтобы совсем уж «новая жизнь»: изначально это было не более чем дополнение к прежней жизни. Осенью 1988 года демократическое движение находилось в «клубной фазе»: проходили публичные дискуссии, разного рода собрания типа «тусовок». На них выступали ораторы, вокруг обсуждались

текущие события. Собиравшаяся там публика была довольно пестрой по своему составу, большинство участников существенно старше меня. Ситуация сильно изменилась в начале 1989 года, когда началась кампания по выборам народных депутатов СССР и в ходе нее сложился комитет «Выборы – 89», поддерживавший демократически настроенных кандидатов и выступавший против городских партийных бонз и их ставленников.

Еще раз обратимся к моему блогу:

«... Тогда шла кампания по выборам на Съезд народных депутатов СССР, в Питере было выдвинуто немало альтернативных кандидатов, но сито окружных предвыборных собраний прошло лишь двое из тех, кто изначально был поддержан нарождавшейся оппозицией в лице неформального демократического движения – главный редактор литературного журнала «Нева» Борис Никольский и кандидат в члены клуба «Перестройка» инженер Юрий Болдырев – все остальные были отсеяны. Передо мной, как и другими активистами, встал вопрос о дальнейших действиях в ходе кампании. С одной стороны, можно было присоединиться к группам, боровшимся против безальтернативного кандидата – первого секретаря обкома КПСС Соловьева, баллотировавшегося в Невском районе. С другой стороны, можно было влиться в состав групп, поддерживавших демократов. После некоторых дискуссий с приятелями я предпочел второй путь – во-первых, в успех кампании против Соловьева, а тем более против первого зампреда горисполкома Большакова (он также баллотировался безальтернативно, но в национально-территориальном округе, охватывавшем весь город), я не верил – как оказалось, напрасно. Во-вторых, негативная кампания с ее главным лозунгом «Долой!» мне была стилистически не слишком близка. Неудивительно, что дальнейший выбор строился между участием в кампании одного из двух кандидатов – Никольского или Болдырева... Вокруг Никольского уже крутился штаб, в который были вовлечены разные деятели культуры, но также и некоторые отпугивавшие меня люди, которых было принято называть «демшиза»; кроме того, в его победе в центральных районах Питера над двумя другими интеллектуалами я не сомневался. Болдырев и люди вокруг него были мне стилистически (да и по возрасту) более близки, а его единственный соперник – первый секретарь горкома КПСС Герасимов – был более чем притягательной «мишенью».

Так я выбрал собственную стратегию участия в кампании, принесшую мне позднее немало пользы» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/651141.html>)

Итак, верно ли я понял, что Вы вошли в избирательный штаб (не помню, говорили ли мы тогда так) Юрия Болдырева? Пожалуйста, напомните основные положения его Программы, как они вырабатывались? В чем выражалось Ваше участие?

Мое участие пришлось на этап предвыборной агитации и голосования: пикеты возле станций метро, раздача листовок, а главное – организация наблюдения на избирательных участках в день голосования и координация работы наблюдателей. Исход голосования превзошел все ожидания (Болдырев получил свыше 74% голосов против менее чем 20% у Герасимова). Я не склонен преувеличивать ни эффекты кампании, ни тем более свою собственную роль в ней.

Но опыт участия оказался для меня очень полезен. Именно в это время произошло знакомство со многими людьми, сыгравшими немалую роль в моей последующей деятельности: это были не только политики и активисты, но и социологи.

Конечно же я постараюсь задать Вам вопросы о Вашем вхождении в круг политиков, активистов и социологов, но сначала – о политике Ю. Ю. Болдырева. Можно ли сказать, что в 1989 году его программа содержала нечто уникальное, что обеспечило ему поддержку трех четвертей избирателей его округа, или просто ветер перемен дул именно в его паруса? И не он выиграл, а Герасимов не мог не проиграть?

Какого типа политик Ю. Болдырев: в 1993 году он – среди создателей либерального избирательного блока «Яблоко», осенью 1995 года он вышел из него, а на президентских выборах 2012 года он был доверенным лицом Г. А. Зюганова?

Выборы 1989 года на Съезд народных депутатов СССР с подачи Хантингтона получили название «опрокидывающие» (stunning elections): режим задумал эти выборы как средство повышения собственной легитимности, а они стали механизмом его делегитимации, по сути, служили референдумом по вопросу о недоверии советской политической системе. Скорее всего, первый секретарь горкома КПСС проиграл бы любому конкуренту.

Но Болдырев сам по себе был яркой и неординарной личностью. Он ставил во главу угла вопросы демократической процедуры, подотчетности, разделения властей, проблемы местного самоуправления. В частности, именно Болдырев на Первом съезде народных депутатов впервые предложил проводить поименные голосования, с тем, чтобы избиратели знали позицию своих представителей в парламенте, он предлагал и механизмы отзыва депутатов. Независимый и принципиальный человек, он обладал собственной точкой зрения по многим вопросам, как правило, не примыкая к большинству и не соглашаясь на компромиссы. В США таких людей называют maverick – своего рода вечный диссидент, волк-одиночка. Им редко удается добиться успеха в политике (не только в России), и Болдырев не стал исключением. В результате острого конфликта он вышел из «Яблока», затем в 1998 году на выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга создал «блок Юрия Болдырева», фактически распавшийся после того, как выдвинутые им кандидаты добились немалых успехов, затем и сам Болдырев проиграл выборы в Государственную Думу. Его политическая траектория уходила все дальше, и сегодня мы с Болдыревым вряд ли нашли бы общий язык друг с другом. Но в 1989–1995 годах общались довольно тесно, я очень многому учился у Болдырева, и остаюсь ему глубоко благодарен.

В интервью, которое мне дал покойный Леонид Кесельман десять лет назад (в 2005 году), он вспомнил, как импровизационно начал изучать на улице избирателей относительно их поддержки Ю. Болдырева. Это была одна из суббот февраля 1989 года. Далее он писал: «На следующий день я рассказал Марии Мацкевич и Владимиру Гельману, которые вместе со мной участвовали в этом инициативном «социологическом сопровождении» избирательной кампании, о своих воскресных приключениях, показал им полученные результаты и попросил продолжить работу и довести выборку хотя бы до 500 человек. В понедельник вечером у нас были такие данные.

Где и как Вы познакомились с Кесельманом, вот уж кто буквально «горел»

перестройкой... Вы помните тот опрос?

В марте 1989 года, примерно за две-три недели до дня выборов, на одной из неформальных встреч предвыборной команды Болдырева, я познакомился с Леонидом Кесельманом и Андреем Николаевичем Алексеевым. Алексеев был публично известной фигурой, пользовался большим моральным авторитетом, и принимал участие в кампании Болдырева в качестве доверенного лица. Как человек дотошный и въедливый, он отслеживал нарушения закона со стороны избирательных комиссий и писал от имени команды кандидата всевозможные жалобы и протесты. Алексеев сыграл исключительно важную роль в моей профессиональной карьере, но это произошло несколько позже.

Как раз на этой встрече Кесельман и сообщил участникам предвыборной команды о результатах своего опроса (возможно, что я ошибаюсь, но, кажется, я не принимал в нем участие: данные Леонид собирал самостоятельно вместе с Машей Мацкевич). Эти результаты обсуждались участниками команды в прикладном ключе: как надо вести агитацию и как надо готовиться ко дню голосования, чтобы не допустить провокаций и срыва выборов: вброса бюллетеней, организованного голосования за Герасимова, манипуляций со списками избирателей, etc. Все, кроме Кесельмана, были уверены в том, что официальные власти готовы прибегнуть к любым злоупотреблениям, чтобы не допустить победы Болдырева, но он утверждал, что мнение избирателей сформировано однозначно, и против него власти попросту не рискнут пойти. Уверенность и оптимизм Леонида произвели на меня сильное впечатление. Помню, что я активно возражал Кесельману, однако по итогам голосования оказалось, что прав был он, а не я. Наше общение продолжилось после того, как Болдырев стал депутатом: накануне второго тура голосования я принял участие в новом опросе (в других округах) в качестве интервьюера, а заодно помог Леониду и Маше в его организации.

Это все, так или иначе, – формы, скажем, политтехнологической деятельности. Когда и под влиянием каких обстоятельств началось Ваше скольжение в сторону анализа электоральных (наверное?) сюжетов? Когда Вы решили, что обратной дороги на производство для Вас нет?

Я по-прежнему работал на предприятии и продолжал карьеру активиста. Мое общение с социологами носило прикладной характер: они представлялись как раз теми людьми, которые (как казалось мне тогда) понимали, что и как именно надо менять в городе и в стране. Что-то я у них узнавал, чему-то учился, какие-то статьи и книги, рекомендованные ими, читал, но собственно знания представляли для меня тогда не столько самоцель, сколько средство.

Осенью 1989 года из активиста-«любителя» я стал почти «профессионалом». Поскольку одной из главных проблем кампании 1989 года по выборам народных депутатов СССР были манипуляции со стороны избирательных комиссий, то в ходе начинавшейся кампании по выборам депутатов Ленсовета и народных депутатов РСФСР (они прошли в марте 1990 года) крайне важным было присутствие в составе городской избирательной комиссии независимых от власти представителей общественности. Моя кандидатура была выдвинута ленинградским «Мемориалом» (который к тому моменту времени получил официальную регистрацию), и, приложив некоторые усилия, я оказался в составе городского избиркома. На первом же заседании комиссии встал вопрос о том, что один из

членов комиссии должен работать в ее составе на освобожденной основе в течение всего периода выборов. Я тут же вызвался в качестве добровольца и в итоге был командирован с прежнего рабочего места в распоряжение Ленгорисполкома с сохранением оклада. С этого момента и началась новая жизнь: на предприятие я уже не вернулся. Надо сказать, что социологи поддерживали меня в стремлении попасть в состав избиркома и по ходу кампании давали немало полезных советов.

Еще раз обратимся к моему блогу:

«... я, в свои 24 года, оказался в центре избирательной кампании в Питере, будучи членом городской избирательной комиссии и одним из координаторов неформального блока «Демократические выборы – 90». С одной стороны, будучи одним из двух независимых членов комиссии, я зорко следил за тем, чтобы минимизировать возможные злоупотребления со стороны властей и попытки препятствовать кампании демократов, с другой – предпринимал усилия по информационному обеспечению кампании – начиная от «разведения» поддержанных демократами кандидатов по округам (где-то получалось, где-то нет) и заканчивая доведением сведений о кандидатах через СМИ.

Самая популярная городская газета «Смена» предложила всем кандидатам и всем политическим силам обозначить свои предпочтения и за два дня до первого тура выборов опубликовала списки кандидатов по городским и республиканским округам. Публикация стала своего рода информационной «бомбой»: комиссия вызвала на ковер редактора «Смены» Югина, который сам баллотировался в народные депутаты РСФСР, и обвинила его в нарушении закона о выборах, «провокации», и т. д. Воспользовавшись замешательством, я на заседании комиссии предложил ее руководителям выступить с официальным опровержением публикации «Смены», что и было сделано. Председатель комиссии, ректор Политеха Васильев, и один из ее членов... появились в прямом эфире тогда суперпопулярного Ленинградского ТВ сразу после хита эфира – «600 секунд» с Александром Невзоровым – и обрушили начальственный гнев на «Смену». В результате весь город знал, за кого надо голосовать, а за кого нет: насколько я могу судить, эти сведения помогли многим избирателям определиться с выбором.

Уже первый тур показал, что официальные кандидаты КПСС почти повсеместно провалились, второй тур показал, что у «Демократических выборов-90» оказалось большинство в горсовете. В ночь на 19 марта в честь победы демократов над радиоузлом Ленинградского порта (там находилась наша неформальная штаб-квартира с шестью городскими телефонами для звонков наблюдателей) был поднят трехцветный российский флаг (провисел целые сутки), а в 4 часа утра я позвонил... тогдашнему секретарю обкома КПСС по идеологии Виктору Ефимову, и от имени «Демократических выборов-90» поздравил его с прекращением власти КПСС в городе» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/744020.html>)

С тех пор прошло ровно четверть века, я могу многое забыть... это в той избирательной кампании успешно участвовали социологи Альберт Баранов, Валерий Глухов, Борис Максимов, Петр Шелищ? Служба Леонида Кесельмана проводила опросы, строила прогнозы?

Баранов, Глухов и Максимов стали депутатами Ленсовета, все они входили в список поддержки «Демократических выборов – 90» (Шелищ был избран депутатом Государственной Думы по списку «Яблока» в 1993 году). Кесельман проводил опросы, которые позволяли рассчитывать на успех кампании, мы много контактировали в этот период с ним и с другими социологами. Одна из неформальных встреч представителей демократических организаций в ходе кампании в феврале 1990 года проходила в помещении Института социологии на Серпуховской улице при активном участии «хозяев дома».

Итак, выборы закончились? Как дальше разворачивалась Ваша жизнь?

А дальше передо мной встал непростой выбор дальнейшей профессиональной траектории. О том, как и почему был сделан этот выбор, я рассказал в своей новой книге *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes* (6, pp.xi-xiii). Происходило это так:

«В приятный солнечный день лета 1990 года я сидел в приемной Мариинского дворца в Ленинграде. Я был 24-летним активистом демократического движения, которое недавно одержало победу на выборах в городской совет. После этой победы я получил два очень разных предложения о трудоустройстве от двух очень разных групп моих знакомых. Одной из них была команда социологов, которые вели исследования социальных и политических изменений в городе и в стране: они пригласили меня в свои ряды, утверждая, что мои инсайдерские знания о новых общественных движениях представляют большое преимущество для успешной профессиональной карьеры по изучению политики. Другая группа включала ряд новых депутатов, которые были заняты реформированием органов власти в городе и были уверены в том, что мой опыт участия в выборных кампаниях и репутация активиста помогут в том, чтобы улучшить довольно хаотичный процесс принятия решений. Мне предстоял выбор между должностью младшего научного сотрудника в Институте социологии Академии наук и должностью среднего уровня во вновь формирувавшемся аппарате городского совета. Второй вариант выглядел весьма привлекательным, и после ряда бесед я пришел на интервью с председателем совета Анатолием Собчаком. Профессор права, избранный на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году, он приобрел огромную популярность как яркий оратор и жесткий критик советской системы; годом позже, депутаты Ленсовета пригласили его занять пост председателя совета после того, как он получил место депутата в ходе довыборов. Как часто бывало, Собчак опаздывал, и, ожидая его, я трепался с секретарем в приемной по имени Дима, симпатичным, улыбочивым и разговорчивым молодым человеком моего возраста.

Наконец, Собчак прибыл, и мы прошли в его огромный кабинет с прекрасным видом на Исаакиевский собор. Ни о чем меня не спрашивая и даже не замечая моего присутствия, мой потенциальный босс начал длинную и страстную речь, как если бы он выступал перед сотнями слушателей, хотя кроме нас в кабинете никого не было (я думаю, что он использовал эту возможность как тренировку перед одним из публичных выступлений, которые в то время принесли ему всесоюзную славу). Речь Собчака была полной яркой риторики, но довольно пустой по своему содержанию: он ругал прежнюю систему, критиковал текущую нестабильность, и обещал, что город будет процветать под его руководством. После казавшегося бесконечным монолога, он сделал паузу,

и я смог задать вопрос, казавшийся мне ключевым для моей будущей работы: «Анатолий Александрович, как Вы видите систему власти в городе, которую Вы хотите создать?»

Собчак, наконец, повернулся ко мне, спустившись с небес на землю, и сменил тон речи на более откровенный: «у нас очень много депутатов городского совета, они шумные и плохо организованные: они должны в основном работать в округах, вести прием граждан и отвечать на жалобы населения. У нас есть горисполком: он должен заниматься городским хозяйством, дорогами, озеленением, протечками, но не выходить за эти пределы. А я (широкий взгляд вокруг кабинета) с помощью моего аппарата (пристальный взгляд на меня) буду проводить политику в городе». Я был шокирован, услышав столь циничные суждения от человека, обладавшего публичным имиджем символа демократии. «Но ведь это почти то же самое, что было при коммунистах... а как же демократия?»

Собчак, вероятно, был удивлен тем, что тот, кто предположительно мог стать членом его формирующейся «команды», задал ему столь наивный вопрос. Он ответил мне четко, с интонацией, с которой университетские профессора порой говорят, претендуя на то, что они сообщают прописные истины первокурсникам: «мы теперь у власти – это и есть демократия». Это высказывание потрясло меня: большие надежды на демократическую политику разом рухнули, и я не мог и не хотел стать маленьким винтиком в нарождавшейся политической машине. Я лишь повернулся спиной к Собчаку и, даже не попрощавшись, покинул его кабинет. Затем я дошел пешком до Института социологии и ушел в мир науки вместо мира политики.

Это был поворотный пункт всей моей профессиональной карьеры. К сожалению, у меня не было возможности получить формальное образование в сфере социальных и политических наук, хотя, несмотря на это (или, возможно, благодаря этому), я позднее стал профессором политологии в двух университетах и в двух странах. Но те уроки, которые я получил от Собчака много лет назад в его кабинете, стали для меня не менее важны, чем дюжины учебников по нормативной политической теории. Я понял, что главная цель политиков – это максимизация власти. Иными словами, они стремятся находиться у власти с помощью любых средств так долго, насколько это возможно, и иметь так много власти, насколько это возможно, вне зависимости от своей демократической риторики и публичного имиджа: в этом и состоит суть политики. Но проблема в том, что некоторым политикам удается достичь этой цели, а другие не настолько успешны. Поэтому в одних случаях мы наблюдаем диктатуры разного типа (от режима Мобуту в Заире до Лукашенко в Беларуси), а в других вариации иных политических режимов (отнюдь не всегда демократических).

На деле, Собчак тоже не смог достичь своих целей и максимизировать власть в Ленинграде (после 1991 года – Санкт-Петербурге). Через шесть лет, в 1996 году, будучи мэром города, в ходе жесткой борьбы на выборах, он уступил с небольшой разницей голосов своему заместителю Владимиру Яковлеву. Другой заместитель Собчака, Владимир Путин, извлек уроки у своего руководителя и использовал их в своей карьере политика – но эти уроки отличались от моих в силу отличий между политикой и политической наукой. Путин, как минимум до настоящего времени, смог максимизировать власть в качестве президента и премьер-министра России, хотя сегодня он сталкивается с нара-

тающими вызовами. И Дима, которого я встретил в тот памятный день, тоже извлек для себя уроки. Дмитрий Медведев также занимал посты президента и премьер-министра России. Он по-прежнему симпатичный, часто улыбочивый и разговорчивый человек – но в известном смысле, он так и остался секретарем в приемной».

Сразу: о чем новая книга? Какое место занимают в ней Ваши биографические сюжеты, подобные выше приведенному?

Эта книга о том, почему и как в России после краха коммунистического режима был построен новый авторитаризм. Ее аргумент сводится к тому, что политики всегда и везде стремятся максимизировать свою власть (следуя формуле Собчака: «мы у власти, это и есть демократия»), и те, кто пришли к власти в России после 1991 года – не исключение. Но поскольку препятствия на этом пути в случае России оказались недостаточно сильны, то в итоге российским лидерам успешно удалось достичь своих целей, хотя они сегодня и сталкиваются с различными вызовами. О «себе любимом» я пишу только в процитированном фрагменте: книга ведь не о моей биографии, а о биографии страны.

Вернемся к тому, что Вы выше назвали поворотной точкой в Вашей профессиональной деятельности. Поясните, пожалуйста, что же произошло, как происходило Ваше вхождение в новую среду?

21 августа 1990 года я был принят на работу в Ленинградский филиал Института социологии Академии Наук СССР в состав группы изучения динамики массового сознания, которой руководил Кесельман. Но наше с ним сотрудничество не задалось, и в результате я сперва фактически, а потом и юридически продолжил работу в секторе социологии общественных движений, возглавляемом Костюшевым. Найти свое место в новой среде мне оказалось непросто по нескольким причинам.

Во-первых, я не обладал сколь-нибудь целостными знаниями теоретического плана, и не очень понимал их ценность: на фоне бурных политических событий 1990–1991 годов мне казалось важнее наблюдать вблизи текущие процессы своими глазами, чем читать книги. Во-вторых, я скептически относился к социологизму своих коллег: их стремление рассматривать политические процессы как проекцию общественных настроений и массовых предпочтений (которые фиксировали, в частности, опросы Кесельмана) встречало мое непонимание. Мне казалось, что дело обстоит прямо противоположным образом – общественное мнение есть не более чем побочный продукт борьбы политических сил, и граждане не формируют свои предпочтения самостоятельно, а всего лишь отражают в своем восприятии то, что происходит в элитах. Помню, что когда в одной из дискуссий с Костюшевым я высказал этот тезис, он заметил, что я рассуждаю не как социолог, а как политолог. Так я узнал, что являюсь политологом. В-третьих, и это было самым главным – у меня не было представлений о том, что именно и как именно мне надо делать в своем новом качестве: по большей части я был предоставлен сам себе, ходил на сессии городского совета и на собрания новых нарождавшихся политических партий и движений, писал публицистические тексты и доклады, но в общем и целом не могу сказать, что нашел себя на новом месте в течение первого года работы.

А какой точки зрения относительно природы общественного мнения – не только в России – Вы придерживаетесь сейчас, уже став политологом, но, на мой взгляд, понимающим логику социологии?

Я и сейчас придерживаюсь той же точки зрения, что и в начале 1990-х годов. Обычно люди (не только в нашей стране) редко задумываются о политике, и уж тем более редко способны самостоятельно сформулировать свои позиции по тем или иным общественно значимым вопросам: это требует значительных усилий и затрат времени. Поэтому по большей части они ориентируются на СМИ, на лидеров мнений, на свой прежний опыт... Это отнюдь не значит, что общественное мнение не заслуживает внимания и/или пристального изучения – как раз наоборот. Но то, как порой его изучают многие отечественные специалисты, меня не слишком убеждает. По большей части они склонны собирать данные о том, что думают российские граждане по тем или иным вопросам, но весьма редко анализируют, почему они думают именно так, а не иначе. И уж тем более из этих публикаций непонятно, как из того, что именно люди думают, следует то, что именно они делают. Впрочем, в данном случае я выступаю не как специалист в данной сфере, а всего лишь как потребитель научной продукции, производимой полстерами, и мои суждения носят вполне себе дилетантский характер.

Хм... «...по большей части я был предоставлен сам себе...». Так у Вас были идеальные условия для освоения новой действительности, как Вы всем этим воспользовались?

Сказать по правде, пользовался не слишком расчетливо. По-хорошему, мне надо было бы систематически учиться новому для себя ремеслу, причем не «на коленке», а так, как мои будущие коллеги по Европейскому университету – Вадим Волков и Олег Хархордин, поступившие на PhD (соответственно, в Кембридже и Беркли). Но я не то чтобы упустил эту возможность, а попросту ничего о ней не знал. Да и не уверен, что тогда захотел бы потратить на учебу за границей несколько лет, когда временной горизонт измерялся месяцами: чуть ли не каждый день в 1990–1991 годах в стране случалось что-то судьбоносное, и я пытался непосредственно наблюдать текущую политическую ситуацию, и, по мере своего понимания, осмысливать и анализировать происходящее. В ходе этих наблюдений (в той или иной форме они продолжались примерно до конца 1995 года) я набрался многих интересных впечатлений, но по существу дела у меня мало что получалось.

К лету 1991 года я пришел к выводу, что «ошибся дверью», придя в Институт социологии, и уже собрался было оттуда уволиться. Но оказалось, что к тому времени я отработал уже почти год и что мне был положен отпуск, из которого я вышел на работу 19 августа 1991 года. События последующих трех дней и то, что произошло затем, снова кардинально изменили мою траекторию. Нет нужды говорить, что в дни путча я был на улицах и в Ленсовете, наблюдал всплеск общественного подъема, реакцию политиков, активистов, коллег и обычных граждан. После ликвидации обкома КПСС в моих руках оказались текущие материалы подразделения обкома, отвечавшего за работу с общественными объединениями, возникла даже идея изучать не сами общественные движения (чем, по идее, занимался сектор Костюшева) а то, как реагируют власти на эти движения (развития она не получила).

Но вскоре в Питер (буквально в те дни, когда город был только переименован из Ленинграда в Санкт-Петербург) приехала из Оксфорда Мэри Маколи (Мэри неоднократно бывала в Институте социологии и раньше, но тогда мы с ней не пересекались). Она интересовалась тем, что именно происходило в городе в эти дни: оказалось, что каждый из коллег-социологов видел какой-то кусок картины, но мало кто знал, как, например, вели себя в ходе путча депутаты горсовета. Ей порекомендовали меня как «знатока» политической кухни, мы встретились в гостях у Ани Темкиной, долго беседовали, потом проговорили допоздна... потом Мэри спросила меня, можем ли мы встретиться в другой день в Институте социологии. Во время этой встречи я получил неожиданное предложение. И тут оказалось, что Мэри планировала провести исследование местной политики в Петербурге и в других регионах России, что ей нужен для этой работы ассистент, который мог бы собирать материалы, организовывать интервью, и она предложила мне выступить в этой роли, заодно пообещав, помимо более чем щедрой по тем временам оплаты, искать в Оксфорде деньги для того, чтобы я мог пройти там стажировку. Это был лотерейный билет, который мне принес очень крупный и долгосрочный выигрыш.

Есть несколько иностранных ученых, которые внесли большой вклад в развитие постперестроечной российской социологии. Я не берусь давать даже приблизительный список имен этих ученых, назову лишь некоторых, чтобы обозначить конкретнее, о чем собственно речь. Это: Теодор Шанин, Майкл Буравой, Майкл Сваффорд, Алекс Даллин, Саймон Кларк, уверен, я кого-то не назвал. Ясно, что Мэри Маколи – из этой группы людей. Не могли бы Вы рассказать о Вашем участии в ее проекте и о Мэри как о человеке...

Лучшее определение роли Мэри в моей жизни дала моя мама, как-то процитировав название популярного в 1990-е годы латиноамериканского сериала – «Моя вторая мама». Опять обратимся к моему блогу:

«Если вывести за скобки первую мою зарубежную поездку в Оксфорд (которую организовала Мэри), то работа как таковая заключалась в следующем. Помимо организации для Мэри интервью с питерскими политиками, я приходил каждый понедельник в 10 утра в квартиру, которую купила Мэри на Васильевском острове (много позже она продала ее мне на более чем льготных условиях), и должен был ответить на любой вопрос своей работодательницы, касающийся российской политики. Если я не мог ответить сразу, брал тайм-аут на неделю, читал газеты, искал материалы etc. и докладывал о результатах в следующий раз. Совместная работа повлекла за собой написание совместной статьи (для меня она стала первой публикацией по-английски, а для Мэри – единственной статьей в соавторстве). Но главное: Мэри тратила свое время на то, что учила меня профессии: советовала, что именно надо читать, какие именно вопросы перед собой ставить, как именно опыт других стран может быть полезен для понимания политики в России, и т.д. Не могу сказать, что я во всем следовал ее советам: немалая часть reading list образца 1992 года не прочитана и по сей день... Конечно, полноценным специалистом в профессии я так и не стал (да и по сей день ощущаю себя любителем, уступая по уровню подготовки даже средним выпускникам любой британской аспирантуры). Но лучше быть самоучкой, чем совсем уж неучем...

По окончании работы с Мэри в 1993 году наши дороги разошлись: она уехала в Оксфорд, я мотался между Питером и Москвой. Когда мы встретились вновь в начале 1995 года, то Мэри сообщила мне, что она собирается оставить Оксфорд и приехать в Питер, чтобы работать в создававшемся тогда новом Европейском университете, а, кроме того, собирается писать учебник по российской политике, и предложила мне вместе с ней включиться в оба этих начинания. Но спустя несколько месяцев, Мэри ушла на должность руководителя представительства фонда Форда в Москве, ну а я... остался в Европейском университете. Мои новые работодатели такому появлению вместо Мэри нового сотрудника – самоучки «по благу» – были не слишком рады, и мне позднее пришлось приложить немало усилий, доказывая свои credentials. Но этот опыт оказался полезным во многих отношениях...

Та самая книга, в работе над которой я помогал Мэри в Питере, *Russia's Politics of Uncertainty*, вышла в 1997 году. Она подарила ее мне с дарственной надписью «это предисловие к той настоящей научной работе, которую ты будешь писать» (отношение у меня, да и у самой Мэри к этой книге и впрямь неоднозначное...) Потом, когда мы вместе с Григорием Голосовым выпустили сборник научных трудов под нашей редакцией на английском языке, то посвятили его Мэри.

Сейчас Мэри на пенсии, живет в Лондоне, работает бабушкой семерых внуков, от всей души болеет за «Арсенал» и – продолжает научную работу. Она пишет новую книгу, которая будет посвящена анализу правозащитного движения в современной России. Не знаю пока, каков будет результат, но уверен, что читать эту книгу будет интересно (книга вышла в марте 2015 года, я ее еще не читал). А я сам учу новые поколения слушателей и в качестве научного руководителя стараюсь относиться к своим подопечным не хуже, чем Мэри относилась ко мне. Увы, у меня получается не всегда.

У меня не было формальных научных руководителей. Но Мэри, как своей руководительнице «по жизни», я бесконечно благодарен...» (взято отсюда: <http://grey-dolphin.livejournal.com/383025.html>)

Вопрос – очевидный; пожалуйста, расскажите о той поездке в Оксфорд; долго ли коротко? чему обучались? и т.д.

Поездка в Оксфорд в апреле-июне 1992 года была моим первым зарубежным визитом, и неудивительно, что она сопровождалась массой впечатлений. Часть из них отражена в блоге:

«Самый сильный культурный шок в своей жизни я пережил в апреле 1992 года. Впервые приехав в Оксфорд..., в первый же день по совету питерских коллег я посетил книжный магазин Blackwells. Это был первый настоящий академический книжный магазин, в котором я побывал – и до сих пор считаю его одним из самых лучших в мире. Огромная reading room в подвальном этаже потрясла меня даже не столько размерами и количеством книг, которые можно было читать тут же, усевшись на полу, сколько необыкновенной атмосферой – в детстве мечтал стать писателем и продавцом книг, и, казалось, попал в то место, где сбываются мечты. Придя в магазин где-то часов в 10 утра, я провел в нем почти весь день, перебирая корешки книг и перелистывая тома, которые не смог бы перечитать за всю жизнь. Наверное, я и вовсе не ушел бы из сказочного

магазина, но меня ждала заранее назначенная встреча с моей руководительницей стажировки. Мэри выслушала мои восторженные впечатления и сказала задумчиво: «знаешь, Володя, может быть, пройдет лет 10–15, и твои книги будут продаваться в Blackwells».

Тогда я мало что знал в науке, но ясно осознал, что мне было примерно так же далеко до продажи моих книг в Blackwells, как футболисту из дворовой команды до выступлений за Manchester United. Поэтому добрые пожелания/предсказания Мэри я воспринял как не более чем желание подбодрить меня. Но эти слова я не забыл, хотя, конечно же, и не вспоминал о них ежедневно.

Летом 2005 года я снова побывал в Оксфорде. Был яркий летний день, в колледжах проходили выпускные мероприятия, и город был полон молодыми людьми и девушками в мантиях и шапочках. Мне очень хотелось снова пережить те же самые волшебные ощущения, что и тринадцатью годами ранее. Я снова вошел в ту самую reading room в Blackwells. Среди книг о России, на самой нижней полке, почти на полу, среди множества других, стояла моя книга (2). Это был (надеюсь, лишь пока что) самый лучший момент моей профессиональной биографии: ради него одного стоило работать и к нему стоило стремиться. Но как жаль, что он уже никогда не повторится...» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/279938.html>)

Но, конечно же, в Оксфорде я не только набирался впечатлений, но и ходил в библиотеку и читал книги и статьи, в основном – классику сравнительной политологии: работы Лейпхарта, Липсета, Пшеворского, Сартори... отдельный сюжет – Роберт Даль:

«Книга, ставшая для меня ориентиром №1 – Who Governs? Роберта Даля – попала в мои руки в известной мере случайно... моя руководительница составила для меня reading list, посоветовав начать с книги Даля «Полиархия». Но в первый рабочий день, дойдя до верхнего этажа башенки, где располагалась библиотека Nuffield College, я взял с полки другую книгу того же автора – и зачитался настолько, что не мог оторваться. Путь от олигархии к плюрализму, проиллюстрированный в рамках истории одного города (Нью-Хейвена в штате Коннектикут с 1784 по середину 1950-х годов), детальный анализ местных элит на разных политических аренах, и главное – четкое, ясное и последовательное объяснение логики политического развития страны, да и мира политики в целом сквозь призму отдельного случая – увлекли меня всерьез и надолго. «Полиархию» я потом тоже прочел, однако после Who Governs? она показалась мне «правильной», но скучной – я уже знал, почему и как именно Даль, идя «от поля», пришел к своим теоретическим выводам.

Поскольку в то время я пытался осмыслить логику местной политики в тогдашней России, занимаясь мониторингом субнационального политического развития – сперва на материале Питера, а потом и других регионов страны, то Who Governs? на фоне и размытости моих теоретических представлений, и неполноты и неопределенности фактических знаний выступала безусловным образцом, к которому стоило стремиться (позднее я неоднократно перечитывал эту книгу). Образец этот для меня остался недостижимым и по сей день – и с формальной точки зрения (число ссылок на Who Governs? почти в 2.5 раза превосходит число ссылок

на все мои научные работы, вместе взятые), и тем более с точки зрения содержательной. Если Who Governs? служила примером того, как надо проводить исследование, то своим собственным практическим опытом я делюсь

со студентами под рубрикой «Как не надо проводить исследования». Хотя спустя некоторое время я прочел и нормативную, и эмпирическую критику этой книги, но она лишь укрепила меня во мнении о том, что прав Даль, а не его критики...» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/628478.html>)

А помимо этого, я приобретал в Оксфорде полезный социальный опыт и навыки коммуникации:

«...оказавшись в Англии, я стеснялся говорить по-английски: с чтением было все нормально, но думал я по-русски и фразы выстраивал так же, поэтому окружающие меня не понимали. В столовой колледжа я подходил к окошечку на раздаче, тыкал пальцем в то, что было подешевле, говорил «зис-плис» (что означало «This, please») и садился есть, ни с кем не разговаривая. Так продолжалось пару недель, пока в Оксфорде не выступил Федор Бурлацкий – бывший спичрайтер Хрущева, бывший редактор «Литературной газеты» и проч. (умер в 2014 году). Бурлацкий говорил на очень плохом английском (куда хуже, чем тогда был у меня) и нес совершенную ахинею. Но при этом школа советской номенклатуры не прошла для него даром – Бурлацкий говорил с таким апломбом и уверенностью, как будто его язык лучше, чем у native speakers, а сам он изрекает великие истины. Послушав Бурлацкого, я решил, что я как минимум не хуже его ни с языковой, ни с содержательной точки зрения и... перестал стесняться своего английского, начал говорить, не обращая внимания на построение фраз, и вскоре обнаружил, что окружающие меня понимают (хотя пишу до сих пор с многочисленными ошибками)...» (взято отсюда <http://grey-dolphin.livejournal.com/87077.html>)

А Оксфорд так до сих пор и остался самым любимым городом из всех, где довелось побывать.

Наверное, вернувшись из Оксфорда и имея опыт наблюдения за становлением российской политики и теоретические представления, накопленные в Англии, Вы начали задуматься о подготовке кандидатского исследования. Это так?

До диссертации дело дошло нескоро: в 1992 году я об этом даже и не думал, и защитился только в феврале 1998 года, когда уже работал в Европейском университете. Да и «теоретических представлений» у меня после двух месяцев стажировки было все же маловато. Я двигался совсем в иную сторону. В 1991 году я познакомился с Вячеславом Игруновым, который возглавлял Институт гуманитарно-политических исследований (ИГПИ) в Москве. Это была группа выходцев из неформального движения, которые сразу после распада СССР пытались собирать информацию о политических процессах, протекавших на территории бывших союзных республик и в регионах России. Игрунов с подачи В.А.Тишкова, который в 1992 году возглавлял Госкомнац, даже стал на некоторое время руководителем аналитического центра этого ведомства, и развернул работу по мониторингу текущей политической ситуации в постсоветских странах и в республиках и регионах России. Этот мониторинг вели корреспонденты, жившие на тех или иных территориях и писавшие ежемесячные обзоры по более-

менее единой схеме. Я принимал участие в разработке этой схемы, и вскоре стал корреспондентом «Политического мониторинга» ИГПИ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (отчасти схожую работу я выполнял и для Мэри).

У мониторинга было много проблем, но главная из них состояла в том, что его материалы было некому анализировать. Отчеты из Пскова или Саратова сдавались в Госкомнац и другим заказчикам и оставались по большей части никем не востребованными. Мне же, наоборот, было интересно понять, что происходит не только в Питере, но и в других регионах России, и я с большим интересом читал материалы, подготовленные другими авторами, и пытался их анализировать. Мои наблюдения привели к тому, что я написал для Игрунова аналитическую записку на основе этих материалов и заодно дал ее прочесть коллегам по Институту социологии. В результате, во-первых, я выступил на семинаре сектора с едва ли не первым своим научным докладом, а, во-вторых, Игрунов, прочтя мою записку, предложил мне стать заместителем директора ИГПИ, переехать в Москву, и, помимо прочего, координировать проект мониторинга.

В начале перестройки Вячеслав Игрунов бывал в Ленинграде, мы встречались несколько раз. Упомянув его, Вы дали мне возможность спросить Вас о Вашей активности в «Яблоке» в середине 90-х. Было бы интересно узнать, как сейчас Вы с позиций историка политических движений и политолога в целом объясняете все, произошедшее с «Яблоком».

В 1993 году Игрунов принял активное участие в создании «Яблока», он стал депутатом Государственной Думы, позднее депутатский мандат получил и другой сотрудник ИГПИ – Сергей Митрохин (нынешний председатель партии «Яблоко»). Институт был тесно связан с «Яблоком» и активно сотрудничал с ним по разным направлениям. Я сам писал экспертные заключения по ряду законопроектов, которые обсуждались в Думе, готовил поправки, которые вносились депутатами фракции (некоторые из них были приняты), принимал участие во многих коллективных обсуждениях. Венцом моей околопартийной карьеры стали выборы 1995 года в Государственную Думу: в ходе этой кампании я являлся членом Центральной избирательной комиссии России с правом совещательного голоса от «Яблока». Работа в Москве (помимо сотрудничества с «Яблоком», я занимался и другими проектами ИГПИ, и прежде всего, «Политическим мониторингом») была непростой и сопровождалась немалым количеством стрессов, но в целом это был важный и полезный для меня опыт.

Судьба «Яблока» сложилась драматично. Само это объединение (с 1995 года – партия) изначально возникла как демократическая оппозиция, стремившаяся противостоять авторитарным тенденциям в стране. Однако, несмотря на некоторые тактические успехи, потенциал партии был ограничен. С одной стороны, те формальные и неформальные «правила игры», которые в 1990-е года складывались в российской политике, оказались для «Яблока» крайне неблагоприятны. С другой стороны – партии было трудно привлечь на свою сторону как широкие круги избирателей, так и представителей элит: шансы на ее приход к власти изначально были низкими, а после 2000 года на фоне консолидации правящих групп они упали до нулевых. В результате «Яблоко» пережило серию тяжелых кризисов, партию ряды покинул ряд политиков (включая и Игрунова), и нынешнее ее состояние в стране в целом можно обозначить

как «жизнь после смерти». Хотя в нескольких регионах (в том числе в Питере) у «Яблока» с 1990-х годов сохранились вполне дееспособные отделения, будущего у партии нет.

Володя, я эмигрировал в Америку в самом начале 1994 года и до конца века был на 100% вне науки, потому многие события, происходившие в российской социологии во второй половине 90-х, оказались вне моего внимания. Пожалуйста, поясните мне, как Вы и Ваши коллеги осваивали непростые правила электоральной (и не только) социологии и политологии. Ведь ранее такого опыта у отечественных социологов не было. Могли бы Вы назвать несколько имен Ваших коллег, начинавших работу в те же годы и активных в настоящее время?

Электоральные исследования в России начинались в 1990-е годы «с нуля» и изначально развивались как «нормальная наука» не только в смысле Куна, но и в отношении трансферта идей. В США и Европе к тому времени был накоплен огромный опыт изучения выборов и партий в различных странах мира. Мои коллеги и я сам брали его на вооружение и пытались творчески использовать для исследований и на российском материале. Российские специалисты в 1990-е и 2000-е годы вполне успешно изучали стратегии партий и кандидатов, поведение избирателей и роль политических институтов в процессе выборов, опираясь на зарубежные теоретические разработки, с одной стороны, и отечественные массивы электоральной статистики и материалы массовых опросов – с другой. Формат научных публикаций тоже во многом ориентировался на международный стандарт. Коллективные монографии об электоральных циклах в России, которые мы выпустили вместе с коллегами из ЕУСПБ и других учреждений, возникли как часть международной серии книг *Founding Elections in Eastern Europe*, которая выходила в *Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung* под редакцией Ханса-Дитера Клингеманна и Чарльза Тейлора. Две книги вышли и на русском, и на английском языках (1, 3), третья – только на русском. Некоторые российские политологи – прежде всего, мой коллега по ЕУСПБ Григорий Голосов, а также Николай Петров (долгие годы работавший в Московском центре Карнеги), Александр Кынев, Петр Панов из Перми, да и я сам (1, 3, 9, 12, 18) – опубликовали, в том числе и за рубежом, немало книг и статей по изучению российских партий и выборов.

Состояние электоральных исследований (не только в России) сильно зависит от состояния самого объекта исследования. В 2007 году в обзоре изучения выборов в России я писал:

«Изучение выборов как важнейшего (хотя, разумеется, далеко не единственного) института демократии слишком тесно связано с их демократическим потенциалом: если политологи будут вынуждены анализировать заведомо несвободные и несправедливые «выборы без выбора», то трудно ожидать, что они скажут новое слово в науке о закономерностях политики в стране и в мире в целом... Политическая наука в нашей стране вообще и электоральные исследования в частности имеют шанс стать «нормальной наукой» лишь в условиях, если политика в России не утратит основные атрибуты «нормальной страны», включая проведение конкурентных выборов». <http://polit.ru/article/2007/09/25/electoral/>

Сегодня mainstream в изучении российских выборов — это анализ различных механизмов ограничения политической конкуренции и злоупотреблений со стороны властей, в том числе и фальсификаций результатов голосований. Можно сказать, что эта сфера исследований существенно обогатилась за счет изучения российского материала, особенно в последние годы.

Вернемся к ИГПИ, Вячеслав Игрунов предложил Вам замдиректорство и переезд в Москву. Какое решение Вы приняли и почему?

Я согласился, и в 1993 году приступил к работе в ИГПИ. В Институте социологии меня особенно ничто не удерживало, но полставки и статус научного сотрудника я за собой сохранил (окончательно уволился оттуда только в 1998 году). Работа в Москве давала гораздо больше возможностей, больше контактов, а главное — по договоренности с Игруновым после трех лет работы в ИГПИ я получал возможность выкупить квартиру в Москве, в которой я жил, по цене существенно ниже рыночной. Такой возможностью было бы грех не воспользоваться: ведь своего жилья в Питере у меня тогда не было, и шансов его приобрести — тоже. В ИГПИ я проработал до января 1996 года.

Виктор Вахштайн в интервью, которое мы провели в 2014 году, вспоминает о своей аналитической работе в «Яблоко» на рубеже веков. Тогда там работали многие известные ныне политики и аналитики. В частности, он называет Елену Мизулину, Алексея Навального и Илью Яшина. Вы работали с Вахштайном и указанными политиками? Безотносительно к тому, знакомы ли с Навальным, что Вы могли бы сказать о нем как о политике?

В 1993–1996 годах, когда я работал в Москве, из всех указанных Вами лиц на политической сцене присутствовала лишь Мизулина. В то время она была весьма прогрессивным и квалифицированным членом Совета Федерации, затем баллотировалась в ГосДуму. Сейчас, когда ее имя стало символом обскурантизма, в это трудно поверить. Впрочем, многим бывшим демократам, перешедшим на службу правящему в России режиму, присущ эдакий «синдром Вышинского» (по имени бывшего меньшевика, позднее ставшего одной из наиболее мрачных фигур сталинской эпохи).

С Навальным я лично не знаком. Считаю его одним из наиболее талантливых публичных политиков первого постсоветского поколения, пожалуй, самой яркой фигурой в нынешнем лагере российской оппозиции. Хотя нынешние политические тенденции в стране для оппозиции крайне неблагоприятны, спрос на перемены, думаю, рано или поздно будет нарастать.

... и все же Вы вернулись в Петербург (как поется в известной песне Людмилы Гурченко и Бориса Моисеева); что в Москве перестало Вас удовлетворять, что Вам засветило в родном городе?

В Москве мне приходилось заниматься самыми разными делами: работа занимала 25 часов в день и 8 дней в неделю — организация «Политического мониторинга» (надо было обеспечивать бесперебойный выпуск материалов, редактировать тексты, работать с авторами), написание аналитических записок по разного рода текущим поводам, подготовка заключений и поправок к законопроектам etc. Словом, я отчасти был менеджером, отчасти — аналитиком «на подхвате». Для занятий наукой не хватало не только времени, но и денег — ИГПИ

постоянно нуждался в средствах на выплаты маленьких зарплат и гонораров, а низкий академический статус института («ядро» сотрудников было самоучками без ученых степеней) не позволял нам рассчитывать ни на публичное признание, ни на финансовую поддержку. Тем не менее, энергия и контакты Игрунова позволяли ИГПИ «держаться на плаву» вплоть до 2000-х годов. Для реализации замыслов, прежде всего – проекта сравнительного исследования политических процессов в регионах России – требовались ресурсы, и я пытался писать заявки на гранты. В итоге нам удалось – уже после моего ухода из ИГПИ – запустить этот проект и реализовать его. Так или иначе, я не планировал связывать с ИГПИ всю жизнь, и задумывался об иных вариантах продолжения карьеры.

Между тем, в Петербурге в 1995 году создавался Европейский университет, и Мэри (изначально собиравшаяся преподавать на создававшемся «с нуля» факультете политических наук и социологии) рекомендовала меня в качестве перспективного кандидата на преподавание курсов по российской политике. Идея Мэри состояла в том, что мы с ней будем вместе преподавать и писать в соавторстве учебник по российской политике (даже предварительный контракт с Oxford University Press подписали, но учебник так и не появился). Я согласился, но вскоре Мэри стала руководителем представительства фонда Форда в Москве, и в дальнейшем она оказывала помощь Европейскому университету, прежде всего, в этом качестве (ее вклад в развитие ЕУСПб неоценим). Ну а я, взяв на себя новые обязательства по преподаванию политологических курсов в ЕУСПб, вскоре после думских выборов 1995 года закончил работу в ИГПИ (и в «Яблоке») и вернулся в Питер.

Итак, около двадцати лет назад Вы начали работать в Европейском Университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), не помните, как все начиналось?

Я стал преподавателем ЕУСПб во многом случайно, благодаря стечению обстоятельств оказавшись в нужное время в нужном месте... что называется, «вышел на замену» в весеннем семестре 1995–1996 года. Тогда ЕУСПб работал в режиме пилотного проекта: потенциальные преподаватели нового университета читали лекции для его потенциальных студентов. К тому времени я успел побывать членом Центризбиркома России с правом совещательного голоса на думских выборах 1995 года, и, приехав в Питер, попал на встречу, представлявшую собой версию job interview... Оно проходило в грузинском кафе на улице Белинского (существует и поныне).

Как умел, рассказал потенциальным коллегам по факультету о себе, о своем профессиональном опыте, интересах и проч., о своем видении будущего курса по российской политике, который собирался преподавать (на самом деле говорил не о курсе, а о российской политике как таковой). По ходу дела разговор перешел на английский язык... Внезапно Олег Хархордин задал мне вопрос о том, как я отношусь к интерпретации российской политики в рамках анализа, которые предлагал Фуко. Эта фамилия для меня означала создателя маятника и никого иного, в чем я честно и признался. Мое признание вызвало бурную реакцию Хархордина, который сообщил, что: 1) мне предлагают место в ЕУСПб не по заслугам, а «по благу» (что было правдой); 2) у меня нет никакого специального образования (ну да, тоже правда); 3) что у меня нет опыта преподавания (почти полная правда, несколько лекций в Москве не в счет); 4) что у меня пло-

хой английский (увы, еще какая правда...); 5) что у меня нет никаких серьезных публикаций (пожалуй, что тоже правда). Но все эти недостатки не шли ни в какое сравнение с тем, что я не читал Фуко и даже не знал, что философ и создатель маятника – это не одно и то же лицо. Неудивительно, что Хархордин решительно отверг мою кандидатуру, сообщив, что, по его мнению, мне в ЕУСПб не место, а на работу надо принимать не меня, а его сокурсника из Беркли (назвал имя). Как известно, наступление – лучшая защита, и я в ответ парировал атаку по части Фуко: мол, зато выпускники Беркли не знают, как принимают законы в ГосДуме, а я знаю (это тоже было сущей правдой: в Думу я почти два года ходил регулярно, написав кучу заключений и поправок к самым разным законопроектам).

Мой аргумент в логике *competitive advantages* (ГосДума vs. Фуко) был оценен: я получил шанс прочесть пробные лекции. Первую лекцию я полностью провалил, главным образом из-за нехватки опыта и сложности темы (она была посвящена российской конституции). Вторая лекция могла оказаться последней, и дабы не опозориться, я готовился к ней так, как никогда не готовился и, думаю, никогда уже не буду говорить ни к какому другому выступлению: записал свою речь на диктофон, придя за сорок минут до начала в аудиторию, отрепетировал на местности все мизансцены... Лекция о российском президентстве (со ссылками на Линца и О'Доннелла и с многочисленными эмпирическими иллюстрациями) прошла «на ура»: комплименты со стороны присутствовавшего в аудитории Вадима Волкова до сих пор остаются самой значимой профессиональной похвалой в жизни. В итоге «я получил эту роль – мне выпал счастливый билет»: так я стал *associate professor* в ЕУСПб.

Прошло почти двадцать лет. С тех времен утекло много воды: и в ЕУСПб, и в России в целом многое изменилось, и законы в ГосДуме принимаются теперь так, что об этом выпускники Беркли вполне себе могут не знать. Да и я сам изменился, хотя и не так чтобы слишком сильно. То, что я занимаю место в ЕУСПб не только «по благу», но и по заслугам, приходилось, да и до сих пор приходится доказывать – прежде всего, самому себе (не то чтобы прямо каждый день доказывать, но забывать об этом не стоит). Дефицит специального образования лишь отчасти был компенсирован самообразованием (по части подготовки я и сегодня уступаю далеко не самым звездным выпускникам американских и британских аспирантур). Опыт преподавания в ЕУСПб и в некоторых других вузах я в конце концов набрал... Английский стал несколько лучше, но все равно на радость *proofreaders* я делаю в среднем не менее 30 ошибок на страницу. Публикаций за эти годы стало намного больше, хотя, вероятно, по меркам Беркли вряд ли хотя бы одну из них можно считать на 100% серьезной. И лишь одно с той поры осталось неизменным – я так и не прочел труды Фуко даже после того, как узнал, что философ не был создателем маятника. Не уверен, что прочту их в течение последующих двадцати лет... Впрочем, все же надеюсь, что, несмотря на это (или, наоборот, благодаря этому?) коллеги и студенты ЕУСПб смогут еще двадцать лет терпеть меня в качестве профессора (<http://grey-dolphin.livejournal.com/719035.html>)

В целом, факультет политических наук и социологии ЕУСПб представлял собой инновационный проект во многих отношениях. Другие факультеты ЕУСПб (истории, экономики, этнологии – ныне антропологии) создавали сложившиеся ранее «команды» признанных специалистов из петербургских институтов РАН.

А создание нашего факультета Борис Максимович Фирсов доверил Вадиму Волкову и Олегу Хархордину, которые только что защитили свои диссертации на Западе (Волков стал деканом-организатором факультета в возрасте 29 лет). Они принесли много нового в организацию работы факультета и в профессиональные стандарты. И решительный отказ от устных экзаменов – только студенческие эссе, призванные воспитать культуру думать письменно. И коллегиальное принятие всех важных решений советом факультета. И обязательная ротация деканов (никто не хотел слишком долго заниматься администрированием, и должность декана долгое время была чем-то вроде «эстафетной палочки»). И внешняя валидация выпускных работ со стороны факультета социальных наук университета Хельсинки (эти работы на правах внешних рецензентов читали члены международного консультативного совета факультета, и выносили по ним окончательный вердикт, вынуждая нас не снижать планку собственных требований). И отказ от использования отчеств в общении между преподавателями и слушателями (создает статусную симметрию взамен иерархии старших и младших «по чину»). И, наконец, ритуал окончания учебного года на факультете в конце июня на кораблике с фейерверком в Финском заливе в честь успешно завершивших обучение выпускников. Некоторые из этих практик сохраняются на факультете и по сей день.

И с чего Вы начали? Какие курсы Вы предложили студентам? Что было рекомендовано в качестве учебников?

Начал с того, что разработал курс по российской политике. Я посмотрел некоторые программы некоторых курсов по Russian Politics, которые читались в американских и британских университетах, но по большей части они носили страноведческий и исторический характер – такой обзор с начала XX века, если еще не с петровских времен. Мне казалось, что политологам надо оставить историю историкам, а самим изучать современное политическое устройство страны. Поэтому я взял за образец те курсы, которые касались не изучения политики в России, а изучения политики в других странах. Предельно огрубляя, если курс по American Politics содержит разделы о президентстве, парламентаризме, политических партиях, федерализме и проч. в США, то и курс по российской политике структурно должен быть устроен точно так же, хотя и с совсем иной «начинкой». В итоге получилось приложение различных подходов, разработанных в рамках сравнительной политологии, к изучению российской политики. Но поскольку сам объект исследования постоянно меняется, то и этот курс тоже обновляется практически ежегодно. Другой курс – «Методология и практика научно-исследовательской работы», который я читаю в ЕУСПб, посвящен практическим навыкам: начиная от того, как сформулировать исследовательский вопрос и заканчивая тем, как писать научные статьи и заявки на гранты.

Учебник по российской политике мы так и не написали, но, откровенно говоря, я не считаю, что учебники так уж необходимы для преподавания социальных наук, особенно при обучении магистрантов и аспирантов. Студенты должны читать и анализировать тексты книг и статей, но для этого полезнее ридеры – специальные подборки текстов. В России спрос на учебники диктует государство, которое обязывает включать их в учебные программы и использо-

вать в преподавании; во многих курсах, которые читаются в зарубежных вузах, учебники не используются или же служат одним из многих (но не главным) источником знаний.

Но в целом, после 19 лет преподавательской работы (помимо ЕУСПб, я вел курсы в университете Хельсинки, Центрально-Европейском университете, University of Texas at Austin, МГИМО, Высшей школе экономики и Российской экономической школе) я не могу считать себя первоклассным преподавателем: мне еще много над чем надо работать и к чему стремиться.

Да, конечно, я упустил из виду, Ваши студенты – уже с высшим образованием. По Вашему мнению, что они ищут в политологии? Многие ли из них, подобно Вам, прошли обкатку в практической политике, в избирательных кампаниях и пр.?

Хотя в ЕУСПб я преподаю на факультете политических наук и социологии, среди магистрантов и аспирантов факультета политологов не так много: их доля в общей численности наших слушателей не превышает 15%, все остальные – социологи и философы. У большинства из них (в отличие от меня) вполне себе стандартная карьерная траектория, поступают в магистратуру сразу или почти сразу после вуза, у кого-то базовое образование политологическое, но были и историки, журналисты, социологи, филологи, философы, и даже один юрист. Ищут слушатели (не только политологи), прежде всего, себя. Сформулировать представления о последующей карьерной траектории на этом этапе жизненного цикла в состоянии далеко не все. Многие из них хотели бы продолжить академическую карьеру. На первой лекции по курсу «Методология и практика научно-исследовательской работы» я говорю слушателям: на самом деле успешным ученым из всей группы станет в лучшем случае кто-то один-единственный: а все остальные по тем или иным причинам сойдут с дистанции на разных стадиях академической карьеры. Поэтому самая правильная жизненная стратегия для Вас – не предаваться несбыточным мечтам о занятиях наукой, а посвятить себя чему-то иному: искать себя в компаниях, на госслужбе, в СМИ, в некоммерческом секторе, и т.д. Ведь шансы на то, что у Вас ничего не получится в науке, крайне велики. И если Вы все-таки не уйдете из академического мира, то оставаться в нем Вам имеет смысл лишь в том случае, если этим(ой) единственным(ой) станете именно Вы. Но прислушиваются к моим предостережениям немногие...

Другая категория – это иностранные слушатели, которые учатся в ЕУСПб на международных магистерских программах. Большинство из них ориентированы, скорее, прагматически: им нужны знания о России и постсоветской Евразии и опыт жизни и учебы в России. Если в конце 1990-х к нам поступали те, кто стремился гулять по набережным Невы и читать Достоевского в оригинале, то сегодня наши типичные иностранные абитуриенты – те, кто хочет работать в компаниях или на дипломатической службе и для кого учеба в России послужит значимой частью их резюме.

Мы учим как «академиков», так и «практиков», и порой наши выпускники весьма успешны. Среди слушателей, у которых я был научным руководителем, есть те, кто преподает в вузах, продолжает обучение на программах PhD за рубежом, работает в СМИ, в российских и международных некоммерческих организациях, в органах государственного управления, строит политическую карьеру (бывшая студентка баллотировалась в парламент Финляндии). За большинство

своих учеников мне, что называется, не стыдно. И все же — «у меня есть мечта»: не такая большая, как у Мартина Лютера Кинга, но, по-моему, тоже достойная. Мне очень хочется, чтобы кто-то из тех, кого я учил, учу, и еще буду учить, добился в науке большего, нежели я сам. На самом деле это не так чтобы прямо недостижимо высокая планка: на международном фоне мои достижения в науке невелики. Но пока что моя мечта так и остается несбывшейся... хотя, возможно, все еще впереди?

По-моему, Вам очень повезло, Вы начинали свои политологические штудии, не имея базового образования, которое, скорее всего, было бы в области истмата или научного коммунизма. Читая прессу, конечно, в веб-пространстве, посматривая российское телевидение, участвуя в разных конференциях, я вижу, что в России работает немалое количество политологов и что это очень неоднородное сообщество. По каким критериям Вы бы его «рассекали», какие группы специалистов выделили бы?

Большинство тех, кого в России называют «политологами» — это полит-технологи и/или различные публичные деятели, выступающие на политические темы в медиа (в США таких людей принято называть *pundits*). В этих сферах работает немало профессионалов своего ремесла, но к политической науке их деятельность имеет примерно такое же отношение, как деятельность ди-джеев — к музыковедению. Что до специалистов, преподающих политологические курсы в вузах, работающих в учреждениях РАН, иных научных организациях, то их численность довольно велика. Но говорить о значимых научных достижениях российской политологии можно лишь с очень большими оговорками: ведь значительная часть научной продукции отечественных политологов представляет собой все что угодно, но только не результаты проводимых ими эмпирических исследований. Причин этого несколько: это и «наследие» упомянутых Вами научного коммунизма и истмата, и низкий уровень оплаты труда большинства преподавателей вузов на фоне высокой учебной нагрузки, и сильная изоляция российской политологии от международных трендов развития дисциплины (в последнее время эта изоляция усугубляется), и авторитарные тенденции в российской политике. Справедливости ради, отмечу: если сравнить нынешнее состояние российской политологии с российской же социологией, то, по-моему, ситуация на Вашей «поляне», если и выглядит лучше, то не намного. Да и во многих других странах мира с сопоставимым уровнем социально-экономического развития достижения политологии на фоне российской ситуации отнюдь не выглядят выдающимися. Наша дисциплина устроена однополярно, она географически делится на США и «все остальное», и вклад США в современную политическую науку заметно превосходит «все остальное», вместе взятое.

Словом, картина в российской политологии довольно безрадостная, но впадать в смертный грех уныния не стоит: надо лучше учить новые поколения политологов, проводить новые исследования, писать новые книги и статьи, и закладывать основы для будущего продвижения вперед.

Наверное, уже пришло время повторить мой вопрос о кандидатском исследовании... какую задачу (или — задачи) Вы в нем решали? Где защищались?

Откровенно говоря, мою кандидатскую диссертацию трудно назвать научным достижением. Она довольно хаотично собрана из фрагментов, написанных в разное время и слабо связанных друг с другом. Причина в том, что у меня изначально не было сколь-нибудь осмысленного дизайна диссертационного исследования. Сперва я намеревался писать работу о демократической оппозиции в России на примере «Яблока». Хотя включенное наблюдение дало мне немало ценных материалов, большинство из них так и не было использовано (я ограничился историческим очерком, не включавшим инсайдерской информации). Когда этот фрагмент был готов, стало ясно, что сам по себе анализ оппозиции без анализа динамики российского политического режима, которому, собственно, оппозиция и стремится противостоять, имеет мало смысла. Так появились фрагменты с обзором работ, посвященных российским и зарубежным транзитологическим подходам к анализу изменений политического режима в 1990-е годы в России, и раздел с моими собственными (весьма критическими) оценками причин и механизмов развития авторитарных тенденций в российской политике 1990-х. Материалы, вошедшие в мою диссертацию, публиковались в виде статей в разных журналах, и обилие публикаций так или иначе произвело впечатление на диссертационный совет СПбГУ, где я и защитился в 1998 году. Годом позже я опубликовал монографию на основе диссертации, и рецензент *Slavic Review* в отзыве на нее справедливо написал, что я зря пытался впихнуть в малый объем одной книги столь обширный материал, которого хватило бы на несколько книг; это был полезный урок.

Так что, став в итоге кандидатом политических наук, гордиться диссертацией я не могу. Но я согласен с Вадимом Радаевым, заметившим, что диссертация – это, прежде всего, квалификационная работа, и что если диссертант и делает научные открытия, то о них надо сообщать где угодно, но не в диссертации (по меньшей мере, не только в диссертации). Впрочем, наломав дров со своим собственным диссертационным исследованием, я теперь со знанием дела могу советовать слушателям ЕУСПб, которые работают над диссертациями, каких ошибок стоит избегать.

Абсолютно согласен с Радаевым. И когда стало вырисовываться что-то свое, что это было?

Наиболее значимым моим проектом в 1997-1999 годах стало сравнительное исследование региональных политических режимов в России. Этот проект был задуман еще в период моей работы в ИГПИ, но реализовывался уже тогда, когда я стал преподавать в ЕУСПб. Период 1990-х и отчасти 2000-х годов в России характеризовался существенной диверсификацией политического развития на уровне регионов и городов страны, открывая возможности для сравнительного анализа. На примере шести регионов России (Саратовская, Нижегородская, Волгоградская, Ульяновская, Рязанская и Тверская области) мы вместе с моими коллегами пытались понять логику, которая определяла различные траектории их политического развития: почему в одних регионах страны политика оказывалась конкурентной, а в других – нет? Наш ответ был связан с выявлением причин и механизмов внутриэлитных конфликтов, которые развивались по трем различным сценариям: мы их назвали, соответственно, «победитель получает все»,

«картельное соглашение» и «борьба по правилам». Несколько переработанную версию этой схемы я позднее использовал для сравнения процессов постсоветских политических трансформаций в России, Украине и Беларуси (10).

Проект реализовывался очень непросто, но по его итогам вышли статьи и книги по-русски и по-английски, замеченные коллегами и в России, и за рубежом: одна из статей получила в 1999 году премию журнала *Europe-Asia Studies* (до сих пор это моя самая цитируемая публикация) (7). Книгу, вышедшую в США по итогам этого проекта – *Making and Breaking Democratic Transitions: The Comparative Politics of Russia's Regions* (2) – я и обнаружил на полке книжного магазина в Оксфорде в памятный для меня день летом 2005 года.

В 2000-е годы изучение субнациональной политики в России продолжалось, но фокус внимания смещался к другим ее аспектам. Вслед за сравнительным анализом экономической и политической автономии муниципалитетов крупных городов России (11) последовало изучение механизмов взаимодействия органов местного управления и экономических и социальных агентов в российских городах (в американских исследованиях городской политики эти механизмы называют *urban regimes*) (14). Исследования были построены как *comparative case studies*, они предлагали объяснительные модели и схемы, пригодные для дальнейшего (в том числе и статистического) тестирования.

Проблематикой субнациональной политики в последние годы я не занимаюсь, да и в прикладном аспекте изучение политических процессов в регионах России не настолько актуально, как это было в 1990-е годы, но познавательный потенциал сравнительных субнациональных исследований российской политики далеко не исчерпан.

Володя, не могу удержаться, чтобы не попросить Вас кратко остановиться на содержательной стороне того, что Вы обозначили: «победитель получает все», «картельное соглашение» и «борьба по правилам». Были ли попытки (не у Вас, у других аналитиков) рассмотреть в этой парадигматике и другие регионы России?

Любой политический конфликт не может длиться вечно. Рано или поздно он заканчивается либо 1) полной победой одной из сторон по принципу «игры с нулевой суммой», либо 2) тактическим перемирием, которое более сильная сторона может навязать более слабой на своих условиях, либо 3) заключением мира, который соблюдается, поскольку одностороннее нарушение правил одной из сторон окажется для нее, что называется, «себе дороже». Исход 1) – «победитель получает все», который не предполагает никакой конкуренции, а влечет за собой полную политическую монополию победителя (примером в постсоветских странах может служить Беларусь при Александре Лукашенко). Исход 2) – «картельное соглашение»: политическая конкуренция ограничена, и более сильная сторона в состоянии удерживать власть по принципу *divide et impera* (наглядным примером в России служит неформальное «шашлычное соглашение», которое Путин заключил с «олигархами» после своего прихода к власти в 2000 году). Наконец, исход 3) – «борьба по правилам» предполагает открытую конкуренцию в рамках формальных «правил игры», в которой победу на выборах попеременно одерживает та или иная сторона (такого рода условия возникли в Украине после 2004 года: в период своего президентства Янукович попытался односторонне пересмотреть «правила игры», и в итоге в 2014 году лишился власти). Иными сло-

вами, исходом конфликта элит может стать как авторитаризм, так и демократия, так и промежуточный вариант, склонный к мутации в направлении авторитаризма (политологи в этой связи говорят о «соревновательном авторитаризме»).

Конечно, эти суждения сами по себе не содержат принципиальной новизны: достаточно прочесть работы Адама Пшеворского или Мансура Олсона, где они представлены в теоретическом ключе. Но в изучении изменений режимов после краха коммунизма долгое время преобладал другой подход, который напоминал сценарий голливудского фильма. Он предполагал, что борьба происходит между «хорошими парнями» – демократами и «плохими парнями» – врагами демократии (коммунистами, националистами и т. д.) и в конечном итоге дело должно было завершиться *happy end*, то есть победой демократов. Я же полагал, что политики – не «хорошие» или «плохие» парни, а максимизаторы власти, и демократия для них не более чем средство достижения этой цели, – возможное, но не самое желательное. Но эмпирическая аргументация в пользу этого тезиса требовала сравнительного анализа. Российские регионы в 1990-е годы были почти что идеальными объектами для такого рода сравнения. Центр имел лишь ограниченные рычаги контроля над региональными лидерами, политические процессы в регионах, начавшись из одной «точки отсчета» в 1990 году, расходились по разным траекториям, и конфликты между теми или иными сегментами элит в регионах разрешались совершенно по-разному. Мы изучали региональные политические режимы так же, как если бы это были не территориальные единицы одной и той же страны, а отдельные независимые государства. При этом сами регионы как таковые выступали не более чем *case studies* и служили объектами анализа, ну а предметом изучения выступали политические режимы.

Плюсы кросс-регионального сравнительного исследования были еще и в том, что оно оказалось неуязвимо для нормативно ориентированной критики. Те, кто писал о политической трансформации в России в 1990-е годы, критикуя авторитарные тенденции, наталкивались на многие возражения со стороны сторонников «голливудского» подхода, которые видели в штурме Белого дома в 1993 году или в истории с перевыборами Ельцина в 1996 году борьбу между «хорошими» и «плохими» парнями. Кстати, в 2000-е годы «голливудский» подход в анализе российской политики уступил место ее восприятию в духе *film noir* (по-русски – «чернухи»), когда все «парни» оказались исключительно «плохими». А когда мы писали о том, что в Саратове «победитель получает все», в Нижнем Новгороде при губернаторе Немцове сложилось «картельное соглашение» элит, а в Волгограде одной из сторон «борьбы по правилам» выступали местные коммунисты, то тут критика могла быть не нормативной, а лишь позитивной. Иными словами, работу обсуждали не в смысле «как должно быть», а в смысле «как на самом деле». Кросс-региональные сравнительные исследования, проводившиеся другими авторами (кто-то из них опирался на нашу работу, кто-то использовал иные рамки анализа), подтвердили тезис о том, что неустрашимый конфликт региональных элит может способствовать становлению демократических «правил игры». Это показал, в частности, мой коллега по ЕУСПБ Григорий Голосов, который изучал выборы и развитие политических партий в регионах России (он анализировал большой массив статистических данных почти по всем реги-

онам). Но в 2000-е годы федеральные власти в России предприняли немалые усилия, чтобы изменить «правила игры» как в регионах, так и в стране в целом. Поэтому сегодня в России о «борьбе по правилам» говорить не приходится.

Да, мне понятно, что такой – отчасти, «теоретико-игровой» – подход при анализе политики может быть плодотворным. Один дополнительный вопрос: каков генезис, причины того, что в конце 1990-х в российских регионах политика развивалась по разным сценариям? Ведь десятилетия все происходили по сходным вариантам...

Вы правы: в основе нашей схемы анализа лежал теоретико-игровой подход, хотя формальные модели в работе не использовались. Собственно, процесс изменений режима мы уподобляли шахматной партии, в ходе которой игроки могут двигать фигуры по доске, а могут схватить доску и ударить ей по голове своего противника. Главный вопрос – что обусловило различие конфигураций участников конфликта, их ресурсов и стратегий в тех или иных регионах? Наше объяснение, во-первых, учитывало, какие сильные экономические группы интересов оказались укоренены в регионах в силу траекторий их развития, начиная с советского периода, а, во-вторых, как именно происходил крах прежней системы управления и какое влияние на этот процесс оказала смена элит. Так, Ульяновская область – регион поздней индустриализации, директорат промышленных предприятий в нем был относительно слаб, и тогдашний глава региона, выходец из среды аграриев Юрий Горячев смог, опираясь на сложившиеся ранее «сельские» сети, на время монополизировать власть в регионе после распада советского режима. Ну а в Нижегородской области – сильно индустриализованном регионе с высокой концентрацией индустрии – по стечению обстоятельств губернатором стал Борис Немцов – аутсайдер по отношению к прежней элите, которому удалось заключить с наиболее влиятельными игроками неформальное соглашение о взаимной поддержке и благодаря этому удерживать власть в регионе. Когда в 1997 году Немцов покинул Нижний и перебрался в Москву, это соглашение оказалось разрушено, и регион погрузился в череду острых конфликтов. Смена режима, таким образом, зависела как от изначальной расстановки фигур на доске, так и от стратегий игроков. Результаты игры не были заранее предопределены, а сама игра могла возобновиться с новыми игроками и зачастую по новым правилам.

Смена столетий охарактеризовалась в России и сменой политики, политической жизни. Чем Вы занимались в первой половине «нулевых»? И, если можно, то обозначьте несколько важнейших трендов, наметившихся тогда в российской политологии. Ведь к этому времени многие вчерашние новички набирали силу...

Мне не кажется оправданным противопоставление 1990-х и 2000-х годов, которое популярно в политической публицистике, посвященной России. На мой взгляд, речь идет о двух стадиях одного и того же процесса: российские «болезни роста» 1990-х годов в 2000-е годы лечили таким способом, что они в итоге перешли в стадию хронических заболеваний. Я же в 2000-е годы продолжал исследования российской и постсоветской политики. Вместе с коллегами мы выпустили три коллективные монографии, посвященные федеральным

электоральным циклам в России (1993-1996 годов, 1999-2000 годов и 2003-2004 годов, соответственно) (1, 3), под моей редакцией вышли несколько других книг (4). Опубликовал по-русски и по-английски статьи о трансформации российских партий и партийной системы (9, 12), о рецентрализации российского государства и становлении «вертикали власти» (14), реформах местной власти в городах России (11), о динамике политического режима в Украине, о механизмах поддержания легитимности российского режима (13), о сравнении траекторий трансформаций политических режимов в России, Украине и Беларуси (10)... В 2003 году получил опыт преподавания за рубежом, прочитав курсы сперва в Будапеште, а потом – в Техасе. В 2008 году вместе с группой коллег мы создали в Европейском университете Центр исследований модернизации. Словом, моя повестка дня была, да и сегодня остается достаточно насыщенной.

Что до российской политологии, то в 2000-е наблюдался ее количественный рост. Десятки вузовских кафедр вели подготовку бакалавров и магистров политологии, защищались сотни диссертаций по политическим наукам, число опубликованных политологических книг и статей измерялось тысячами, а количество научных мероприятий (от всероссийских конгрессов до небольших семинаров) подсчету не поддавалось. Но значимых научных работ, которые получили признание серьезных специалистов в стране и за рубежом, по-прежнему немного. Политическая наука в России (да и другие дисциплины российских социальных наук, социологии это тоже касается) во многом покоится на трех китах. За редким исключением, она является 1) атеоретической, 2) нормативно ориентированной и 3) не включенной в сравнительную перспективу. Немалая часть российских social scientists: 1) рассматривают теорию не как инструмент познания, а как некие принимаемые (или же не принимаемые) на веру постулаты; 2) эмпирическое познание реальности они обычно сводят к сопоставлению наблюдаемых явлений с нормативными идеалами («как должно быть»), и 3) Россия представляется им уникальным объектом исследования, не вписывающимся в рамки анализа, разработанные на материале иных стран (по сути дела, речь идет о реинкарнации известного тезиса «умом Россию не понять»). Для развития науки такие представления о должном и сущем явно контрпродуктивны.

Прежде всего отмечу, что и в рамках процессуальной трактовки изменения сложных систем допустимо противопоставление различных стадий, и тогда фокус внимания направлен на анализ причин подобной динамики системного образования. Скажем, почему в обществе, в котором выросла плеяда сильных политиков, в котором наблюдались ростки многопартийной системы, вмиг выстроилась властная вертикаль?

В начале 1990-х годов, на фоне распада советской системы, действительно, в России возникали и яркие политики, и зачатки новых политических партий. Но демократия, по словам Пшеворского, это политическая система, в которой партии и политики теряют власть в результате поражения на выборах. И вот как раз с этим в России и возникли проблемы. Те, кто оказался у власти в результате краха коммунистического режима и распада СССР, не имели ни интересов, ни стимулов к тому, чтобы перейти к «борьбе по правилам»: все 1990-е годы мы наблюдали нечто иное. Сперва произошел конфликт в лагере победителей событий августа 1991 года, который привел к роспуску Съезда народных депу-

татов и Верховного Совета России в 1993 году. Затем — выбор между отменой президентских выборов в 1996 году и использованием всей государственной машины в целях переизбрания Ельцина, затем — «война за ельцинское наследство» между коалициями «олигархов» и региональных лидеров. В регионах в это время отстраивались более или менее автономные от Центра субнациональные режимы, многие из них носили авторитарный характер. На фоне длительного и глубокого спада экономики эти явления воспринимались и политическим классом, и российским обществом в целом как затянувшаяся аномия, как проявления хаоса. Снова процитирую в этой связи Пшеворского: «поскольку любой порядок лучше любого хаоса, любой порядок и устанавливается».

Этот тезис ярко иллюстрирует то, что в России произошло в 2000-е годы, после прихода к власти Путина и после того, как спад экономики сменился ростом. Новый президент оказался в состоянии сделать другим акторам «предложение, от которого невозможно отказаться», опираясь и на свои большие полномочия, и на высокий уровень поддержки. И выяснилось, что те же политические партии, медиа, бизнес, некоммерческие организации, да и многие другие акторы вполне себе готовы играть роль «приводных ремней» президентской администрации и проявлять лояльность политическому режиму и лично главе государства за более или менее щедрое вознаграждение. Те, кто не захотел или не смог играть эти роли второго плана, маргинализировались, либо преследовались властями непосредственно или косвенно. «Вертикаль власти», то есть иерархическая соподчиненность нижестоящих уровней управления вышестоящим, стала одним из важнейших элементов российского политического режима. Но всерьез против нее никто из значимых российских акторов не возражал: по сути, время для такого рода дискуссий оказалось упущено в 1990-е годы. А в 2000-е Путин получил карт-бланш на любые шаги и успешно максимизировал свою власть.

Я хочу подчеркнуть, что «вертикаль власти» затрагивает не только систему регионального и местного управления: в самых разных секторах социально-экономической сферы сложились свои «вертикали». Функция той или иной школы — это не только учить детей и демонстрировать высокие показатели ЕГЭ, но и обеспечивать требуемые властями результаты голосований на расположенном в этой школе избирательном участке. Соответственно, в ход идут все доступные средства, включая и заполнение учителями протоколов с «правильными» итогами. Принадлежать к «вертикали власти» на любом ее этаже выгодно: это дает возможности для извлечения ренты в той или иной форме, включая и личное обогащение. Та же работа на избирательном участке оплачивается за счет бюджета; директора и завучи школ, которые приносят требуемые голоса, получают премии; власти могут при случае закрыть глаза на их злоупотребления, а то и обеспечить им продвижение по службе... А поскольку извлечение ренты представляет собой главную цель и основное содержание государственного управления в России, то (в отсутствие сильных внешних шоков) «вертикаль власти» может оказаться самоподдерживающейся на протяжении длительного времени.

Володя, в рамках разрабатываемой мною типологии советских / российских социологов (пока не знаю, в какой мере она распространяется на политологов) Вы относитесь к пятой когорте. К настоящему времени мною закончено 15 интервью с представителями вашего поколения. Могу сказать, что не более половины Ваших коллег прошли определенную подготовку в Западных научных центрах и в той или

иной степени вписались в международное научное сообщество, но большинство такой возможности не имело. Более того, значительная часть социологов, работающих в Сибирских регионах, на фазе своего становления, подготовки кандидатских и докторских диссертаций, не бывали в ведущих московских и петербургских научных центрах. Отсюда и их фокусированность на региональных – даже не общероссийских – проблемах. Не думаете ли Вы, что такое расслоение нашего научного сообщества – надолго?

В академическом мире – так же, как и в мире в целом – существуют свои центры и периферии. Научная социализация исследователей и последующая работа в тех или иных его сегментах неизбежно накладывает отпечаток на то, какие проблемы они ставят перед собой и какие проблемы изучают. Те, кто работает на периферии мира науки, имеет меньше возможностей и ресурсов, с одной стороны, и куда меньше интересуется происходящим за пределами своей «деревни», с другой. Это отнюдь не российский феномен: скажем, латиноамериканские политологи в основном изучают политику в своих странах, далеко не всегда прибегая к сравнительным кросс-национальным исследованиям. Подчеркну, что периферийный характер науки связан не с локальным характером эмпирического материала, а с набором изучаемых научных проблем, рамками их анализа, выводами и обобщениями. Многие широко известные научные работы (от «Демократии в Америке» Токвиля до Making Democracy Work Роберта Патнэма) построены на анализе локального политического устройства. Но вклад Патнэма в политическую науку состоит не в том, что он показал, что регионы севера Италии управляются более успешно, чем на юге страны, а в том, что он предложил объяснение этого феномена, связанное с влиянием социального капитала и гражданственности на функционирование политических институтов (это объяснение вызвало весьма интенсивные дебаты среди специалистов). Да и моя «первая любовь» в политической науке – Who Governs? Даля, по сути, представляло собой построение плюралистической теории демократии на эмпирическом материале одного города, где жил и работал сам автор. Но чаще всего мы наблюдаем феномен академического краеведения, то есть изучения-чего-угодно-на-материале-города-N, которому, как правило, присуще подчеркивание особой специфики и уникальности этого самого города N или, наоборот, его «типичности».

Конечно, ситуация в мире меняется из-за развития Интернета, появления новых баз исследовательских данных (таких, как World Values Survey), большей доступности научных журналов и т.д. Теоретически, мы можем представить себе политолога или социолога из российской глубинки, выполняющего(ую) свое исследование на большом массиве глобальных данных, которое будет опубликовано в ведущем международном издании по соответствующей дисциплине. Но в реальности у этого политолога или социолога обычно нет ни достаточных образования и/или научной квалификации для проведения такого рода исследований, ни денег на подписку на журналы и на поездки на научные конференции. Кроме того, он(а) перегружен(а) обилием «пар», которые приходится читать для выполнения обязательной учебной нагрузки за более чем скромную оплату труда (в российских вузах она намного ниже, чем в других странах с сопоставимым уровнем экономического развития), а еще надо тратить время и силы на борьбу с бумажной рутинной всевозможной отчетностью, etc., etc.

Российская наука — это бедная наука в стране с высоким уровнем неравенства и с очень низким качеством управления (в том числе в академических учреждениях). В отсутствие ресурсов и стимулов для профессионального роста трудно ожидать прорывов от специалистов, работающих в региональных вузах, поэтому кто-то уезжает в столицы, а кто-то и за рубеж. Справедливости ради, отмечу, что есть случаи, когда в региональных вузах благодаря усилиям энтузиастов и поддержке со стороны руководства иногда возникают хорошо работающие научные коллективы: скажем, в Пермском государственном университете удалось сформировать кафедру политических наук, работающую на вполне добротном профессиональном уровне. Европейский университет в Санкт-Петербурге в последние годы реализует проект поддержки партнерских научно-образовательных центров в региональных вузах, которые созданы «командами» молодых исследователей, прежде всего, из числа наших выпускников. В Перми успешно работают историки и политологи, в Томске — социологи и антропологи, причем они тесно сотрудничают с соответствующими кафедрами и факультетами: преподают, проводят конференции и летние школы, выпускают книги и статьи. Но такие проекты — это во многом исключения, которые подтверждают правило. А правило состоит в том, что если Россия в целом — это полупериферия академического мира, то многие ее регионы — это глубокая и почти безнадежная периферия.

К сожалению, у меня нет оснований рассчитывать на то, что ситуация в обозримом будущем изменится к лучшему: тенденции развития нашей страны и особенно курс на ее международную изоляцию и противостояние с Западом, скорее, усугубляют отсталость и «провинциальность» отечественных социальных наук. Даже тот факт, что в последние годы власти выделили большие деньги на финансирование ряда ведущих университетов, не слишком добавляет оптимизма. Заявленная цель этих финансовых вливаний — не улучшение качества образования и исследований, а продвижение пяти российских вузов в top-100 мировых рейтингов к 2020 году, то есть, по сути, такое престижное потребление, направленное на удовлетворение тщеславия руководства страны (в одном ряду с проведением в России чемпионата мира по футболу). А научные статьи в международных журналах — не более чем средство достижения этой цели. Конечно, по сравнению с полным невниманием властей к социальным наукам (и к наукам вообще) — это серьезный шаг вперед. Но проблема состоит в том, что небольшое число «карманов эффективности» (так в политологической литературе принято обозначать оазисы передового опыта) не обязательно улучшат ситуацию в стране в целом — особенно в науке и образовании, где требуются длительные и систематические усилия. А нынешнее целеполагание задает стимулы для того, чтобы посредством Очень Больших Денег быстро создать несколько «передовых колхозов», куда легко привезти из-за рубежа профессоров, которые тут же укажут в своих статьях аффилиацию с российским вузом (так же, как богатые футбольные клубы вкладывают средства в приглашение зарубежных «звезд»), но долгосрочный эффект при этом может оказаться сомнителен.

Вы член редакционных коллегий и советов журналов «Полис», «European Political Science», «Journal of Eurasian Studies», возможно, еще каких-либо изданий. Пожалуйста, расскажите об этой стороне своей деятельности.

Присутствие в составе редколлегий – не более чем сигнал, дающий информацию и о самих журналах, и о scholars. Есть журнал *American Political Science Review*, в редколлегию которого входит профессор N. из Гарварда, а есть условный «Вестник Урюпинского пединститута», в редколлегию которого входит Вася Пупкин из этого самого пединститута. Журналы, пригласившие меня в состав редколлегий и редсоветов, далеки от обоих этих полюсов – они не входят в число самых «крутых» в мире политической науки, но и не из самых последних. На уровень *American Political Science Review* я пока еще не наработал.

Но гораздо больше о scholars говорит то, в каких международных журналах публикуются их статьи. В политической науке (как и в других дисциплинах) существует своя иерархия журналов, более или менее разделяемая большинством специалистов. У меня в этом отношении нет особо выдающихся достижений – я неоднократно публиковался в журналах «второго ряда», но убедить рецензентов наиболее престижных международных изданий в необходимости публикации моих статей мне пока не удавалось. Прохождение рецензий – всегда сложное испытание, и неоднократно бывало так, что мои рукописи оказывались отвергнуты одним журналом и направлялись в другой. Однако так или иначе, я всегда доводил все свои статьи до публикации в том или ином формате.

Но публикации в журналах сами по себе – лишь часть истории. Важно не только то, где публикуется статья, но и то, в какой мере она оказывается востребованной коллегами. Конечно, если на ту или иную статью часто ссылаются, то не факт, что эта работа хорошая, но зато если на нее не ссылаются никто, помимо самого автора и его/ее друзей и учеников, то, скорее всего – работа плохая. Опять-таки, мои результаты в этом плане на глобальном фоне не слишком потрясают воображение. По данным Google scholar, по состоянию на 14 мая 2015 года, мои 193 научные, не совсем научные и совсем ненаучные публикации собрали 2692 ссылки (в среднем менее 14 ссылок на один опубликованный текст). Это не так мало, но, конечно же, очень далеко до лидеров в профессии.

Что до российских научных журналов, то они по большей части ближе не столько к своим зарубежным академическим собратьям, сколько к литературным «толстым» журналам. Порой те же нравы: решения о публикации по большей части принимает главный редактор безо всяких peer reviews, научные редакторы часто произвольно правят тексты по своему усмотрению, не считаясь с мнением авторов. И почти те же «тараканы», что и в советских литературных журналах. В 2008 году я отослал в журнал «Полис» свою статью о трансформации российской партийной системы, где российский политический режим характеризовался как «недемократический». Вскоре получил подготовленную к публикации рукопись, где мой текст был исправлен на «режим, далекий от демократии». Я с этой правкой не согласился, и вернул авторский вариант на полагающееся ему место. Вслед за этим получил письмо от редактора, который попросил меня согласиться на вариант «режим, далекий от идеалов демократизма». По словам редактора, журнал и без того долгое время не мог пройти перерегистрацию из-за претензий со стороны чиновников, выразивших недовольство публикуемыми текстами (отказ в перерегистрации, в свою очередь, привел бы к исчезновению журнала) – «и тут мы добавляем им аргументов с «недемократическим режимом»». Хотя закрытия журнала я отнюдь не желал, от предложенного компромисса все же отказался и предложил редакции самой отказаться от публикации моей статьи

(вместо того, чтобы предлагать автору заняться самоцензурой). В итоге, редакция согласилась на публикацию статьи в авторском варианте, но предварила мой текст специальным комментарием: «хочется все же предостеречь авторов, присылающих в редакцию подчеркнута «острые» материалы, против увлечения фрондированием. Мы не стремимся избегать критических материалов на наших страницах, но, подчеркиваем, что они должны быть написаны в рамках сугубо «политософского», концептуального дискурса». Иными словами, мне показали «желтую карточку» (взято отсюда <http://grey-dolphin.livejournal.com/219381.html>).

В последние годы ситуация меняется и в России, появляются новые научные журналы с «настоящим» анонимным рецензированием, да и давно существующие издания (такие, как «Вопросы экономики») также стремятся работать более профессионально. Но в целом состояние научных журналов отражает состояние соответствующих дисциплин, и поэтому быстрых прорывов к высотам глобального лидерства от российских изданий ожидать трудно. Поэтому статьи, которые я публикую в российских изданиях, рассматриваю не более чем как черновики для «настоящих» публикаций по-английски. Да и в целом российские авторы все чаще шлют рукописи своих статей в международные журналы (сужу об этом в качестве рецензента, которому иногда присылают эти рукописи на отзыв). Качество этих текстов иногда хорошее, а иногда более чем разное, но надеюсь, что со временем публикаций российских авторов в этих журналах станет больше.

Не так давно Камерон Росс из университета Данди инициировал выпуск нового журнала, посвященного исследованиям российской политики – Russian Politics (будет выходить в издательстве Brill). Росс стал редактором журнала и предложил мне роль заместителя редактора. Так что в истории моих отношений с научными журналами вскоре начнется новая глава.

Рассматривали ли Вы в своих публикациях тему «Крымнаш», Майдан и далее? Или эта тематика не вписывается в область Вашего внимания?

Конечно, занимаясь изучением современной российской политики, я держу в поле своего внимания текущие события. Происходящее в России и вокруг нее нуждается в осмыслении и публичном обсуждении. Политологи оказываются востребованы СМИ и политизированной общественностью как специалисты, способные высказаться на актуальные темы (так же, как от экономистов ждут комментариев в связи с курсом валют и ценами на нефть, а от социологов – в связи с данными опросов). Публикации по актуальной проблематике не носят научный характер, но они могут принести социо-гуманитариям публичное признание: научные статьи обычно читают максимум сотни (если не десятки) людей, а колонки в популярных СМИ – тысячи, а то и десятки тысяч (порой и больше, если речь идет об эфирах ТВ и радио).

Вопрос в том, как реагировать на этот спрос. Некоторые социо-гуманитарии (особенно обладающие яркой харизмой) становятся популярными медийными персонажами, готовыми с легкостью в мыслях необыкновенной раздавать комментарии на любые темы и зачастую выступающие не столько как специалисты и профессионалы, сколько как сторонники (или противники) тех или иных общественно-политических взглядов. Однако стремление scholars к публичному признанию может быстро превратиться в самоцель, и не способствовать, а, скорее, препятствовать академическим достижениям. Дело не только в том, что

тщеславие задает неверные стимулы для scholars, которые порой стремятся не к научным достижениям, а к обретению и/или поддержанию статуса пророков и гуру (возможно, что я ошибаюсь, но все дискуссии о «публичной социологии», по-моему, вертятся вокруг претензий социо-гуманитариев на статус пророков и гуру). Проблема еще и в том, что тот спрос на актуальное знание, который диктуют социо-гуманитариям СМИ и общественность, связан, прежде всего, с разного рода прогнозами, часто той или иной степени катастрофичности. Но социальные науки довольно неэффективны по части прогнозирования, и ученые – политологи, социологи, экономисты – в этом плане не намного успешнее, чем дилетанты или люди «с улицы». Я уж не говорю о ситуациях, когда даже фактически верные прогнозы базируются на содержательно неверных основаниях. Элен Каррер д'Анкосс в 1978 году опубликовала книгу, в которой предсказала, что к 1990 году СССР распадется. Когда Советский Союз и впрямь распался годом позже, она стала публичной знаменитостью, затем была избрана во Французскую Академию и позднее стала ее секретарем. Но прогноз Каррер д'Анкосс исходил из того, что в силу демографических изменений в советских республиках Центральной Азии произойдет исламский «бунт» и взрыв сепаратизма. СССР распался по совсем иным причинам, так что научная познавательная ценность этого прогноза более чем сомнительна: Каррер д'Анкосс «попала пальцем в небо».

Актуальные комментарии (про тот же «Крымнаш») по большей части имеют к науке довольно косвенное отношение. Но это не значит, что спрос на знание социо-гуманитариев со стороны СМИ и общественности стоит игнорировать, удалившись от текущих событий в «башню из слоновой кости» (эта позиция возможная, но далеко не единственная). Гораздо большего политологи (как и социологи, и экономисты) могут добиться, используя этот спрос в целях просвещения. Я имею в виду и аналитические колонки в «качественных» СМИ (то, что в США называется op-ed), и публичные лекции (в том числе и в онлайн-форме), и научно-популярные статьи и книги. Этот формат позволяет в доступной форме рассказать о достижениях науки, да и заодно представить собственную научную работу. Я убежден в том, что если у того или иного специалиста в сфере социальных наук есть значимые научные результаты, то он(а) в состоянии рассказать о них не-специалистам в интересной форме и на понятном им языке (а если не в состоянии, то возникает вопрос о том, так ли значимы эти результаты). В качестве очень успешного примера такого рода просветительской деятельности я могу привести цикл колонок Extra Jus в «Ведомостях», которые публикуют еженедельно мои коллеги из Института проблем правоприменения ЕУСПб во главе с Вадимом Волковым. Кстати, и Вашу книгу «Явление Барака Обамы» я также считаю очень полезным вкладом в дело просвещения российской публики, которая мало что знает об американской политической жизни.

У меня в этом отношении достижений не так много: хотя время от времени я пишу отдельные заметки для СМИ и выступаю публично в аудиториях за пределами ЕУСПб, но на то, чтобы вести регулярные колонки, меня никогда не хватало. Сочинять тексты ad hoc легче, чем взять на себя обязательство писать по 5-6 тысяч знаков еженедельно. Но осенью 2011 года я получил предложение от издательства БХВ-Петербург написать ориентированную на массового читателя книгу о предстоявших на тот момент парламентских выборах. Подумав,

я решил, что объяснение даже одного эпизода российской политической жизни (позднее спровоцировавшего волну протестов) требует более детального анализа причин и механизмов, вызвавших политические тенденции в стране. В результате через полтора года на свет появилась книга «Из огня да в полымя: российская политика после СССР» (5) (она доступна в Сети <http://www.litmir.info/br/?b=213740>) – пока что единственная из выпущенных мною книг, окупившая расходы по своему изданию. Позднее на ее основе я опубликовал цикл статей «Развилки России» на сайте slon.ru (о «критических моментах» недавней истории нашей страны). Эта книга также легла в основу и новой англоязычной книги *Authoritarian Russia; Analyzing Post-Soviet Regime Changes* (6), хотя она рассчитана на академическую аудиторию. Если бы я не написал научно-популярную книгу для русскоязычной аудитории, то, возможно, и научная книга в США не появилась бы на свет.

В статье о Вас в русскоязычном Wiki сказано, что Вы – единственный в Финляндии российский Finland Distinguished Professor (заслуженный профессор Финляндии). Что послужило основанием для присвоения Вам этого почетного звания и какие обязательства оно на Вас накладывает?

Finland Distinguished Professor (FiDiPro) – это не столько почетное звание (типа «заслуженного артиста»), а должность. То есть, работа, направленная на развитие науки в Финляндии. Академия наук Финляндии раз в два года проводит конкурс между различными научными учреждениями, приглашающими на срок на работу до пяти лет специалистов из других стран (по всем научным дисциплинам). Такая практика существует и в ряде других стран, ее аналогом в России выступает программа мегагрантов. Меня пригласил на работу в Финляндию Алексантери-институт университета Хельсинки (это финский центр российских и восточноевропейских исследований). Заявки на конкурс FiDiPro проходят серьезный двухступенчатый отбор и международную экспертизу, но нам с финскими коллегами со второй попытки удалось победить. Летом 2012 года я стал российско-финским профессором и теперь примерно поровну делю свое рабочее время между Санкт-Петербургом и Хельсинки, вместе со мной работают двое пост-доков.

Алексантери-институт был основан в 1996 году, и сейчас насчитывает свыше полусотни сотрудников, его возглавляет социолог Маркку Кивинен. Институт реализует крупный проект, посвященный междисциплинарному анализу проблем российской модернизации, я возглавляю одну из его рабочих групп, которая концентрируется на изучении политики и государственного управления в стране. Программа нашей работы насыщенная: исследования, конференции, публикации, учебные программы... Перспективные планы включают создание в Финляндии Helsinki HUB – европейского кластера академических и прикладных знаний о российской политике, экономике и обществе, которые ориентированы и на научное сообщество, и на спрос со стороны финских и европейских политиков, бизнеса, и общества. Российские исследования были и будут для Финляндии одним из наиболее важных приоритетов, и моя работа по изучению российской внутренней политики как раз вписывается в эти приоритеты.

Сотрудничество между social scientists Финляндии и Ленинграда-Петербурга насчитывает долгие годы. Еще в советские времена проходили совместные семинары ленинградских и финских социологов, в 1995-1996 годах в создании факультета политических наук и социологии ЕУСПб активное участие приняли Ристо Алапуру и Юкка Гронов из университета Хельсинки, а их коллеги Маркку Лонкила и Анна Роткирх и сегодня являются членами международного консультативного совета факультета и работают вместе с питерскими социологами. В этом смысле моя работа на два города и две страны выглядит как новый этап давнего сотрудничества. Финляндия – замечательное место для работы и для жизни, да и от Питера до Хельсинки ближе, чем от Питера до Москвы.

Замечу, пионером сотрудничества ленинградских (еще) и финских социологов является Б.М. Фирсов. Все началось с его дружеских отношений с Каарле Норденстренгом, профессором массовой коммуникации из Университета в городе Тампере, и позже – с руководителем финского Гэллапа Лейлой Лотти. Было сделано – по тем временам – очень немало и закончилось, серьезным выговором ему со стороны Обкома КПСС и изгнанием из ИСЭП АН СССР.

Что Вам удалось сделать почти за три года в качестве FiDiPro?

Выпустил в США две монографии (одна из них – в соавторстве) и более десяти статей по-русски и по-английски (6, 15-20), под моей редакцией был опубликован специальный выпуск журнала Demokratizatsiya (его издает George Washington University) (18), возглавлял оргкомитет большой (300+ участников) конференции, которую мы провели в прошлом году в Хельсинки (Каарле Норденстренг был в числе ее участников). Сейчас вместе с группой финских и российских коллег мы готовим коллективную монографию, она будет посвящена анализу вызовов и противоречий авторитарной модернизации в постсоветской России.

А содержательно, помимо анализа динамики российского политического режима, его акторов и институтов, мое внимание все больше смещается к анализу механизмов государственного управления в России и проведения реформ в разных сферах социально-экономического курса. В соавторстве с Андреем Стародубцевым мы опубликовали статью о том, почему одни реформы начала 2000-х годов в России дали позитивные эффекты (например, налоговая реформа), а другие (скажем, административная реформа) – обернулись полной неудачей (19). Другая статья посвящена неопатримониальному управлению в современной России – в отличие от других работ по теме, оно рассматривается не как продукт «наследия прошлого», а как стратегия правящих групп по максимизации своей политической и экономической власти (20). Этот механизм управления в России (как и в ряде стран Третьего мира) ставит почти что непреодолимый барьер на пути реформ, призванных обеспечить развитие страны, и зачастую некоторые преобразования даже ведут к переменам «от плохого к худшему».

Володя, в доперестроечные годы некоторыми стимулами для написания и защиты докторской диссертации было незначительное повышение оклада исследователя и возможное профессорство для преподавателей, к тому же докторам разрешалась (не автоматически) совместительство. Теперь кандидатская, принимаемая на Западе как Ph.D, уже позволяет занять

позицию профессора в российских и зарубежных университетах, а возможности совместительства для каждого, особенно в Москве и ряде крупных городов, практически не ограничены. Предполагаете ли Вы защитить докторскую диссертацию?

По сути, в Вашем вопросе содержится и ответ. У меня нет стимулов к тому, чтобы защищать докторскую диссертацию – много других дел и планов, гораздо более важных.

Мы оба: я – при формулировке первых вопросов, Вы – при ответах на некоторые вопросы использовали информацию Вашего блога <http://grey-dolphin.livejournal.com/>. Как возникло это название, и зачем Вы ведете блог? Ведь это – время, силы...

Название идет от моей давней симпатии к дельфинам. Дома собрана большая коллекция игрушечных дельфинов: свыше двух сотен обаятельных существ, которые «приплыли» ко мне из разных городов и стран, радуют глаз и поднимают настроение.

Блог (он ведется на платформе ЖЖ, но совмещен с Facebook) выполняет много функций: это и «записная книжка» с заметками о текущих событиях, и способ сформулировать в постах и «обкатать» идеи для дальнейшей работы, и механизм выражения мнения по важным для меня вопросам, и инструмент саморекламы... На страничку блога ежедневно заходит около 200 посетителей, число подписчиков и friends в Facebook еще больше. У моих научных книг и статей аудитория более скромная. Да и параллели между паттернами цитирования и количеством «лайков» и перепостов при желании нетрудно найти. Блог я веду девять лет, в среднем публикую один пост в день, так что времени и сил отнимает не так уж много. Иной раз при знакомстве приходится слышать не столько «я читал(а) Ваши статьи», сколько «я читал(а) Ваш блог». Блоги становятся все более распространенной формой коммуникации в мире в целом и в академическом мире в частности: скажем, регулярный раздел Monkey Cage в Washington Post вырос из коллективного блога американских политологов (мне там тоже довелось публиковать свои комментарии).

Да, блоги могут восприниматься как текущая мода, но подчас то, что кажется новым веянием, не более чем хорошо забытое старое. Достоевский был вполне себе top-blogger: «Дневник писателя» – это набор регулярных постов, пользовавшихся успехом у читателей, которые присылали автору свои комменты, а тот давал на них ответы в своих новых постах. Достоевский как автор блога, говоря сегодняшним языком, – «ватник», думаю, он выступал бы с позиций «крымнаш» etc.

Володя, итожить сделанное – рано, заглядывать в будущее – знаю, что почти бесполезно. Но помечтать о ближайших годах – необходимо. Что бы Вам хотелось сделать в ближайшие несколько лет, есть ли к чему стремиться?

Ближайшие планы связаны с анализом механизмов государственного управления и реформ политического курса в России и других постсоветских странах. Почему эти страны управляются хуже, чем можно было ожидать, исходя из уровня их социально-экономического развития, и почему реформы в различных сферах часто ведут к непреднамеренным, а то и нежелательным для их

инициаторов последствиям? В то время как многие авторы обращают внимание на «наследие прошлого» (советского, а то и досоветского периодов истории), я хочу проанализировать влияние на эти процессы со стороны групп интересов, в том числе и в самом государственном аппарате.

А что до перспективных планов, то они отчасти зависят и от того, как будут развиваться политические процессы в России и постсоветской Евразии. То, что свою последнюю книгу (6) я назвал *Authoritarian Russia*, вовсе не означает, что Россия «обречена» на авторитаризм. Это название – реплика заголовка сборника статей *Authoritarian Brazil*, опубликованного под редакцией Альфреда Степана в 1973 году. Тогда на его страницах ведущие латиноамериканисты (Кардозу, Линц, Шмиттер) обсуждали перспективы авторитарного режима в Бразилии. Годом позже в этой стране начались длившиеся более десяти лет процесс либерализации и демократизации, а в 1989 году частично обновленный коллектив авторов выпустил сборник под названием *Democratizing Brazil*. Я очень надеюсь, что настанет день, когда и я опубликую книгу *Democratizing Russia*. Кстати, моя новая книга заканчивается словами: «Россия непременно станет свободной страной. Вопрос состоит в том, когда именно и как именно это произойдет, и какую цену придется заплатить за путь России к свободе»...

Приложение

20 наиболее значимых научных публикаций В.Я.Гельмана

Книги

1. Elections in Russia, 1993-1996: Analyses, Documents, and Data (Berlin: edition Sigma, 1999); co-editor G.Golosov.
2. Making and Breaking Democratic Transitions: The Comparative Politics of Russia's Regions (Rowman and Littlefield, 2003); co-authors S.Ryzhenkov, M.Brie.
3. The 1999-2000 National Elections in Russia: Analyses, Documents, and Data (Berlin: edition Sigma, 2005); co-editors G.Golosov, E.Meleshkina.
4. The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia (Ashgate, 2010); co-editor C.Ross.
5. Из огня да в полымя: российская политика после СССР (БХВ-Петербург, 2013).
6. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes (University of Pittsburgh Press, 2015).

Статьи

1. Regime Transition, Uncertainty, and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective, Europe-Asia Studies, 1999, vol.51, N6
2. The Unrule of Law in the Making: The Politics of Informal Institution-Building in Russia, Europe-Asia Studies, 2004, vol.56, N7.
3. Political Opposition in Russia: A Dying Species? Post-Soviet Affairs, 2005, vol.21, N3.
4. Out of the Frying Pan into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. International Political Science Review, 2008, vol.29, N2.
5. Authoritarian versus Democratic Diffusions: Explaining Institutional Choices in Russia's Local Government, Post-Soviet Affairs, 2008, vol.24, N1 (co-author T.Lankina).
6. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy, Europe-Asia Studies, 2008, vol.60, N6, P.913–930.
7. Regime Changes Despite Legitimacy Crises: Exit, Voice, and Loyalty in Post-Communist Russia, Journal of Eurasian Studies, 2010, vol.1, N1.
8. Local Regimes, Sub-National Governance, and the 'Power Vertical' in Contemporary Russia, Europe-Asia Studies, 2011, vol.63, N3 (co-author S.Ryzhenkov).
9. Subversive Institutions, Informal Governance, and Contemporary Russian Politics, Communist and Post-Communist Studies, 2012, vol.45, N3–4.

10. Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia, Problems of Post-Communism, 2013, vol.60, N2.

11. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ, Неприкосновенный запас, 2013, N4 (в соавторстве с Д.Травиным).

12. The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia, Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, 2014, vol.22, N4.

13. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов, Полития, 2014, N4 (в соавторстве с А.Стародубцевым).

14. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма, СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015 (Центр исследований модернизации, препринт М–41/15).